

Нэнси Спрингер

Нэнси Спрингер

NETFLIX

A NETFLIX FILM

ЭНОЛА ХОЛМС

И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

ТАЙНЫ
У НИХ В КРОВИ

ЭНОЛА

ХОЛМС

Читатели РГДБ
любители детектива и
режиссеры

ЭНОЛА ХОЛМС

И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

Меня зовут Энола Холмс. Вы наверняка читали о приключениях моего старшего брата Шерлока Холмса. Я тоже распутываю загадки и ищу потерянное, но оказалось, я умею замечать мелочи, которыми пренебрегает мой брат. Мелочи, принадлежащие миру женщин и уже не раз приводившие меня к успеху в расследованиях. И это мое тайное оружие.

Газеты трубят об исчезновении юного маркиза, единственного наследника старого герцога. Весь Скотленд-Ярд брошен на его поиски. Энола не собиралась ввязываться в эту историю, но оказалась с юным маркизом в одной лодке. В прямом смысле. Те, кто похитил маркиза, зачем-то украли и Энолу. И теперь Эноле и мальчику предстоит как-то выпутаться из этой мышеловки...

**Книги серии дважды награждены
премией имени Эдгара Аллана По
за лучший юношеский детектив!**

NETFLIX and LEGENDARY PICTURES present a LEGENDARY PICTURES PRODUCTION A PCMA PRODUCTION "ENOLA HOLMES" MILLIE BOBBY BROWN SAM CLAFLIN
ADEEL ADJITAR FRONIA SHAW FRANCES DE LA TOUR LOUIS PARTRIDGE BURN GORMAN SUSAN WOKOMA with HENRY CAVILL and HELENA BONHAM CARTER
CASTING BY JINA JAY EDITOR DANIEL PEMBERTON DESIGNER CONSOLATA BOYLE EXECUTIVE PRODUCER ADAM BUSMAN PRODUCED BY MICHAEL CARLIN WRITTEN BY GILES NUTTGENS etc.
DIRECTOR OF PHOTOGRAPHY JOSHUA GRODE EXECUTIVE PRODUCER MICHAEL GREYER PRODUCED BY MARY PARENT EXECUTIVE PRODUCER ALEX GARCIA EXECUTIVE PRODUCER ALI MENDES EXECUTIVE PRODUCER MILLIE BOBBY BROWN PAIGE BROWN
BASED UPON THE FABLES AND MYSTERY OF THE DOG BY NANCY SPRINGER SCREENPLAY BY JACK THORNE DIRECTED BY HARRY BRADBEER

LEGENDARY

NETFLIX

ISBN 978-5-04-113017-6

9 785041 130176 >

ЭНОЛА
ХОЛМС

Читайте в серии:

- 1. Энола Холмс и маркиз в мышеловке**
- 2. Энола Холмс и секрет серой печати**
- 3. Энола Холмс и таинственные букеты**
- 4. Энола Холмс и загадка розового веера**
- 5. Энола Холмс и Леди с Лампой**
- 6. Энола Холмс и зловещие знаки**

Нэнси Спрингер

**ЭНОЛА
ХОЛМС**

И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

**Москва
2022**

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

C74

Nancy Springer
AN ENOLA HOLMES MYSTERY #1:
THE CASE OF THE MISSING MARQUESS

Copyright © Nancy Springer, 2006
© Netflix 2020. Used with permission

Спрингер, Нэнси.

C74 Энола Холмс и маркиз в мышеловке : [повесть] /
Нэнси Спрингер ; [перевод с английского А. Тихо-
новой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 256 с.

ISBN 978-5-04-113017-6

Сначала Энола не обратила внимания на новость о пропаже юного маркиза. Но поиски продолжались, весь Скотленд-Ярд сбился с ног, а маркиза так и не нашли. Энола решила осмотреть место преступления и пришла к совершенно неожиданному выводу: из поместья мальчик ушел сам. Но вот что с ним стало дальше?

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Тихонова А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-113017-6

Посвящается моей матери – Нэнси Спрингер

*Лондон,
Ист-Энд
После наступления темноты
Август 1888*

Улицу освещало лишь немошное мерцание газовых фонарей и огня под котелками, подвешенными над мощенной булыжником мостовой возле таверн — там старые продавцы варили устриц. Незвестная в черных одеждах скользила из тени в тень, никому не попадаясь на глаза, словно и сама была тенью. В тех слоях общества, откуда она вышла, немыслимо было представить себе девушку, разгуливающую по городу в одиночку, без сопровождения мужа, отца или брата. Однако она была готова на все, лишь бы найти ту, кого потеряла.

Круглыми глазами, скрытыми черной вуалью, она смотрела вокруг, вглядывалась в темные улочки, цеплялась за каждую деталь. Она замечала битое стекло на покры-

том трещинами тротуаре. Нагловатых крыс, которые суеились под ногами, и их омерзительные голые хвосты. Босых оборванцев, бегающих среди битого стекла и крыс. Парочки, идущие рука в руке: рабочих в красных фланелевых жилетах и их дам в дешевых соломенных шляпках. Привалившихся к стенам нищих — пьяных, спящих или, возможно, даже мертвых — и снующих по ним крыс.

Незнакомка в черном не только наблюдала за прохожими, но и внимательно прислушивалась к звукам ночи. В пропитанном сажей воздухе звенела пьяная колесная лира. Маленькая девочка кричала у дверей паба:

— Папа! Па?

Повсюду раздавались крики, смех, вопли пьяниц и восклицания уличных торговцев:

— Устрыцы! Макайте в уксус, глотайте цыликом! Хорошие, толстые устрыцы, четыре штуки за пенни!

В нос ей били запахи уксуса, джина, вареной капусты, горячих колбасок, соленой воды с ближайшей пристани и застоявшихся вод Темзы, гнилой рыбы, сырости и канализации.

Она ускорила шаг. Ей нельзя подолгу задерживаться на одном месте, ведь она не только охотница, но еще и добыча. В то время как она ведет поиски, ее тоже ищут. Поэтому надо уйти как можно дальше, туда, где преследователи не смогут ее найти.

Под светом фонаря в дверном проеме стояла дама с накрашенными губами и смазанными тенями. К ней подъехал двухколесный экипаж, и из него вышел джентльмен во фраке и блестящем шелковом цилиндре. Дама была в вечернем платье с глубоким вырезом, которое явно раньше принадлежало леди из высшего общества, но наблюдательница в черном сомневалась, что джентльмен приехал сюда на танцы. Как бы широко ни улыбалась жрица любви, во взгляде ее изможденных глаз читался неизменный страх. Недавно совсем неподалеку отсюда одну падшую женщину нашли мертвой и с глубокими порезами. Незнакомка в черном отвела взгляд и прошла мимо.

Небритый господин, прислонившийся к стене, игриво ей подмигнул.

— Не скучаешь одна, подруга? Хошь, составлю те компанию?

Ни один уважающий себя джентльмен не окликнул бы девушку, которой даже не был представлен. Она прошла мимо, стараясь не обращать на него внимания. Ей нельзя ни с кем заговаривать. Она здесь чужая. И расстраиваться тут не из-за чего: она никогда никуда не вписывалась и потому везде чувствовала себя одинокой. И все же сердце у нее ныло, когда девушка в черном вглядывалась в мрачные тени — ведь родной дом остался позади, и она чувствовала себя посторонней в самом большом городе на свете и не знала, где ей переждать ночь.

Если, Господь милостив, она доживет до рассвета, останется лишь надеяться, что ей удастся найти близкого человека, на поиски которого она отправилась.

Неизвестная в черном уходила все дальше и дальше, в самое черное сердце лондонских трущоб у причала, не замедляя шаг. Одна.

Глава первая

Хотелось бы знать, почему мама выбрала для меня имя Энола, значение которого — «одна, одинокая»¹. Ей всегда нравились — а может, нравятся и до сих пор — загадки, и она, вероятно, что-то хотела этим сказать или предсказать, хотя тогда папа был еще жив.

Чуть ли не каждый день при любом удобном случае она замечала:

— Ты и одна прекрасно справишься, Энола.

С этими словами она беспечно уходила гулять в поле, захватив с собой альбом,

¹ Англ. Alone. Имя героини по-английски пишется Enola.

кисти и акварельные краски. И на мой четырнадцатый день рождения она действительно оставила меня одну — тем июльским вечером она не вернулась домой, в Фернделл-холл.

Сначала меня это не особенно встревожило, и я спокойно отправилась праздновать вместе с дворецким Лэйном и его женой, кухаркой. Мы с мамой всегда сердечно здоровались при встрече, но не интересовались заботами друг друга. Я предположила, что у нее возникли срочные дела и она поручила миссис Лэйн передать мне несколько свертков за ужином.

Вот список подарков от мамы:

- набор для рисования: бумага, графитовые карандаши, перочинный ножик для заточки, индийская стирательная резинка — все аккуратно уложено в плоскую деревянную коробку, которая на поверку оказалась раскладным мольбертом;
- увесистый том под названием «Тайный язык цветов, а также вееров, носо-

вых платков, сургучных печатей и марок»;

• тонкая брошюра с шифрами.

Мама всегда поощряла мой интерес к рисованию, хотя особым талантом я не обладала. Она знала, что мне нравится делать карандашные наброски и читать книги на любую тематику, но вот к шифрам я интереса не испытывала. Однако эту брошюру она явно сделала своими руками: сама сложила листы, сшила их вместе и украсила изящными акварельными бутонами.

Очевидно, мама долго ее мастерила. «Значит, я ей небезразлична» — эти слова я повторила про себя несколько раз за вечер, стараясь саму себя в этом убедить.

Я понятия не имела, куда она ушла, но не сомневалась, что рано или поздно мама вернется домой или хотя бы пришлет записку. Спать я легла со спокойной душой.

Следующим утром на мой вопрос мистер Лэйн покачал головой. Нет, хозяйка не вернулась. Нет, никаких писем от нее не было.

Пасмурное небо и ливень за окном полностью отвечали моему настроению, а оно ухудшалось с каждой минутой.

После завтрака я ушла к себе в комнату, в свое чудесное укрытие, где шкаф для одежды, туалетный столик, комод и все остальное было выкрашено в голубой и розовый цвета с узором из букетиков по краям. Такую простую и дешевую мебель называли «деревенской» и ставили только в детских, а мне она очень нравилась. Обычно.

Не сегодня.

Я больше не могла оставаться в доме; я не находила себе места и присела лишь затем, чтобы натянуть галоши поверх сапожек. А поверх рубашки и бриджей — удобной одежды, которая осталась мне от старших братьев, — накинула непромокаемый плащ. В таком резиновом виде я с топотом спустилась на первый этаж и взяла зонт с подставки в прихожей. На улицу я вышла через кухню, бросив миссис Лэйн на прощание:

— Я пойду прогуляюсь.

Забавно; чуть ли не каждый день я говорила ей одно и то же, сама не зная, зачем

и куда иду и что надеюсь найти. Я залезала на деревья, выискивала там желто-коричневые ракушки улиток, орехи, птичьи гнезда. В гнезде сороки я высматривала нуговицы от сапожек, блестящие ленты, чужие потерянные сережки. И делала вид, будто ищу нечто ценное...

На этот раз притворяться не приходилось.

Миссис Лэйн тоже поняла, что это не обычная прогулка. Она всегда спрашивала: «А где ваша шляпа, мисс Энола?» — потому что я не носила шляпы. А в то утро кухарка промолчала.

Я отправилась на поиски матери.

И всерьез полагала, что сумею ее отыскать.

Когда за мной закрылась дверь кухни, я принялась рыскать по двору, словно бигль на охоте. Вчера в честь дня рождения мне разрешили понежиться утром в постели, и я не застала маму до того, как она ушла. Но ей всегда нравилось гулять в поле и часами рисовать растения и цветы, а значит, в первую очередь надо было проверить территорию поместья.

Мама предпочитала не вмешиваться в дела природы. Поэтому наш цветник больше походил на дикие заросли, лужайки наводняли кусты ежевики и дрока, деревья оплетали лозы винограда и плюща. А сегодня серое небо еще и обрушивало на эти джунгли потоки воды.

Реджинальд, старый пес породы колли, преданно трусил за мной, пока ему не наскучила прогулка под дождем и он не отправился искать укрытие от плохой погоды. Разумный поступок. Мне бы последовать его примеру, ведь я промокла до нитки, — но нет. Мои шаги все ускорялись в такт тревожному сердцебиению, и ужас подгонял меня, словно плетка. Вдруг мама лежит где-нибудь в лесу или в поле — одна, раненая, или больная, или... Все-таки она уже немолода, и сердце могло ее подвести. Возможно... Нет, напрямую об этом сказать не хватает сил. К тому же есть и более красивые выражения. Дожила свой век. Ушла из жизни. Вознеслась на небеса. Воссоединилась с мужем.

Нет. Только не это. Пожалуйста!

Казалось бы, меня не должно было задеть ее исчезновение, раз уж мы с мамой никогда не были близки. Но нет, совсем наоборот: я считала себя ответственной за любое несчастье, которое могло с ней произойти, и на душе у меня кошки скребли. Мать родила меня в непозволительно преклонном возрасте, я стала обузой, причиной скандалов и всегда ощущала свою вину за все, за то, что дышу. И надеялась это исправить, когда вырасту. Каким-то волшебным образом пролить на свою жизнь яркий свет, который прогонит тени позора.

Тогда мама бы меня поллюбила, понимаете?

Поэтому ей еще рано умирать.

И я обязана ее найти.

В лесу за садом, где целые поколения сквайров охотились на зайцев и куропаток, я излазила все откосы, осмотрела каменистую лощину, заросшую папоротником — именно в честь него Фернделл-холл получил свое название¹, — но не задержалась в ней,

¹ «Фернделл» можно перевести с английского как «Долина папоротников». (Здесь и далее примечания переводчика.)

хотя обычно мне нравилось проводить там время. Я вышла из леса к фермерским землям и поспешила в поля. Мама вполне могла уйти туда рисовать цветы.

Фернделл располагался недалеко от города, и фермеры предпочитали выращивать не овощи, а колокольчики, анютины глазки и лилии, и доставлять свежие букеты в Ковент-Гарден, получая с этого куда больше прибыли. В наших полях для Лондона цвели стройные ряды розовых кустов, ярко-желтые кореопсисы и похожие на языки пламени циннии и маки. При виде этих цветущих полей мне сразу представлялся залитый солнцем городской особняк и улыбчивые горничные, которые ставят букеты в хрупкие вазы в каждой комнате, роскошные салоны с леди и джентльменами с изящными прическами и нарядами, пропитанными ароматом анемонов и фиалок. Лондон, где...

Однако сейчас все цветы склонили головки под беспощадным ливнем, и мои мечты о Лондоне испарились так же быстро, как поднимающийся с полей туман. С широких полей. Бескрайних.

Как отыскать в них маму?

В моих тщеславных мечтах — о матери, не о Лондоне — я находила ее сама, в одиночку, и она смотрела на меня с благодарностью и восхищением, как на спасительницу, прекрасную героиню.

Но это были лишь глупые мечты.

На тот момент я осмотрела жалкую четверть всего поместья — что уж говорить о полях. Если мама больна или ранена, она испустит дух задолго до того, как я ее отыщу.

Я развернулась и помчалась обратно в дом.

Мистер и миссис Лэйн тут же принялись виться надо мной, как горлицы над гнездом: дворецкий стянул с меня промокший плащ и сапоги и забрал зонт, а кухарка отвела на теплую кухню. Она не имела права меня отчитывать, но молчать не собиралась.

— О чем только думают дуралеи, которые торчат по несколько часов под проливным дождем? — поинтересовалась она у большой угольной печи, снимая с нее крышку. — Не важно, простой человек или аристократ — от простуды любой помереть может, — пожаловалась она чайнику, кото-

рый ставила на печь. — Болезни все равно, какая кровушка там течет, — доверительно сообщила кухарка коробочке с чайными листьями. Отвечать я не собиралась, ведь она не со мной разговаривала. Мне в глаза ей бы не позволили такое высказывать. — Независимость — это прекрасно, когда не ищешь на свою голову ангину, плеврит или пневмонию, а то и чего похуже, — поделилась миссис Лэйн с чайными чашками. Потом она повернулась ко мне и вежливо спросила совсем другим тоном: — Позвольте узнать, мисс Энола, угодно ли вам подкрепиться? Как раз подошло время второго завтрака. Да и не желаете ли сесть ближе к печи?

— Я там поджарюсь как кусок хлеба. И второй завтрак мне не нужен. О матери так ничего и не слышно?

Хотя ответ был и так ясен: мистер и миссис Лэйн сразу бы мне сообщили, узнай они что новое, но я все равно решила уточнить.

— Ничего, мисс, — ответила кухарка и закатала руки в фартук, словно грудного младенца.

Я поднялась со стула:

— В таком случае мне необходимо отправить несколько писем.

— Мисс Энола, в библиотеке не горит камин. Позвольте принести вам сюда все необходимое.

Я обрадовалась, что не придется сидеть в огромном кожаном кресле в мрачной библиотеке. На теплой кухне куда приятнее. Миссис Лэйн принесла мне листок нежно-кремового цвета с фамильным гербом, чернильницу с пером и промокательную бумагу.

Я окунула перо в чернила и вывела несколько слов. Я сообщала в местное отделение полиции о мамином исчезновении и вежливо просила организовать ее поиски.

Потом я замешкалась: стоит ли?

Да. К сожалению, откладывать было нельзя.

Вторая записка, которой предстояло пролететь много миль по проводам после того, как ее напечатают на телеграфном аппарате, заняла у меня гораздо больше времени.

НЭНСИ СПРИНГЕР

ЛЕДИ ЕВДОРИЯ ВЕРНЕ ХОЛМС ПРОПАЛА
ВЧЕРА ТЧК НУЖЕН СОВЕТ ТЧК ЭНОЛА
ХОЛМС

Я отправила две одинаковые телеграммы: Майкрофту Холмсу, на улицу Пэлл-Мэлл, в Лондон, и Шерлоку Холмсу, на Бейкер-стрит, тоже в Лондон.

Моим братьям.

Глава вторая

Я допила чай, который налила мне миссис Лэйн, переделась в сухие бриджи и начала собираться в деревню.

— Но как же... Дождь... Дик отвезет письма, — пробормотала миссис Лэйн, снова заворачивая руки в фартук.

Ее сын тоже работал в поместье и выполнял мелкие поручения под строгим надзором куда более умного пса Реджинальда. Я решила не говорить миссис Лэйн, что не могу доверить Дикку столь важную корреспонденцию, и вместо этого заявила:

— Я спрошу там, не видел ли кто мою мать. Поеду на велосипеде.

Это был не старый драндулет с огромными колесами, а современный «карликовый» велосипед с пневматическими шинами, надежный и безопасный.

На нем я крутила педали под морозящим дождем, пока не остановилась у сторожки. Фернделл с натяжкой можно было назвать поместьем — дом у нас был всего один, маленький и каменный, хоть и с представительным фасадом, но подъездная дорога, ворота и, соответственно, сторожка здесь имелись.

— Купер, — позвала я сторожа, — откроете мне ворота? Кстати, вы, случайно, не открывали их вчера для моей матери?

Сторож ответил отрицательно, не скрывая своего изумления. Леди Евдория Холмс никогда не выходила через главные ворота.

Я выехала с территории поместья и быстро добралась до деревушки Кайнфорд.

Телеграммы я отдала на почту, записку для полиции отнесла в участок, где перекинулась парой слов с констеблем, а затем заглянула к священнику, зеленщику, булочнику, кондитеру, мяснику, торговцу рыбой — в общем, ко всем, кому только мож-

но, и ненавязчиво расспросила их о матери. Никто ее не видел. Кроме того, жена викария неодобрительно вскинула брови, когда я к ней подошла. Наверное, из-за бриджей. Выезжая на люди на велосипеде, приличные девушки одеваются соответственно: в короткие бриджи и водонепроницаемую юбку — на самом деле любую юбку, лишь бы она прикрывала щиколотки. Я слышала, что в деревне маму порицают за неумение прикрывать вульгарные места — вроде ведерок с углем, фортепиано и меня.

Скандального ребенка.

В своем позоре я никогда не сомневалась — в конце концов, даже «воспитанная» девушка не может вечно закрывать на все глаза. Я давно заметила, что большинство замужних дам каждые год-два запираются в доме на несколько месяцев, а затем выходят с очередным младенцем — и так пока не умрут или не состарятся, поэтому детей у них накапливается штук по десять, а то и по двенадцать. В то же время моя мать произвела на свет двух сыновей — моих старших братьев, только и всего. Возможно, из-за этого благородный рацио-

налист-логик и его достойная творческая супруга сочли поздние роды особенно постыдными.

Я крутила педали, направляя велосипед то к таверне, то к кузнице, табачной лавке или пабу — местам, куда «приличные» леди не заходят, и любопытные шептались между собой, бросая на меня косые взгляды.

Ничего полезного выведать не удалось.

Я старалась приветливо улыбаться и разговаривать как можно обходительнее, но на выезде из деревни до меня еще доносились громкие шепотки, догадки и сплетни, и в Фернделл-холл я вернулась в препротивном настроении.

— Ее никто не видел, — ответила я на немой вопрос миссис Лэйн. — И никто не знает, куда она могла пойти.

Я отмахнулась от предложения отобедать, хотя на самом деле уже подступало время ужина, и поднялась на второй этаж, туда, где располагались мамины комнаты. Она всегда запирала дверь и прибиралась у себя сама, вероятно, чтобы облегчить ношу миссис Лэйн, поскольку, кроме четы Лэйнов, слуг у нас в поместье не было. Я бы

не стала вламываться в комнаты матери, но при сложившихся обстоятельствах...

Какой у меня оставался выбор?

Я дернула ручку, ни капли не сомневаясь, что дверь закрыта и сейчас придется искать по всему дому Лэйна и выпрашивать у него ключ.

Однако ручка повернулась.

И дверь открылась.

В тот момент я наконец поняла, что моя жизнь круто изменилась.

Даже в церкви я не осматривалась так смиренно и трепетно, как в этой гостиной. Видите ли, я читала папины книги по логике, Мальтуса, Дарвина и разделяла рациональный, научный подход своих родителей, но там меня охватило внезапное желание поверить. Во что-нибудь. В существование души или, возможно, духа.

Мама превратила гостиную в святилище творчества. На окнах висели слегка раздвинутые шелковые шторы с узором из японских лотосов, и солнечный свет озарял узкие силуэты изящной мебели из клена, намеренно выполненной под бамбук и совсем не похожей по цвету на громоздкую лакированную

мебель из темного красного дерева в общей комнате отдыха. Там висели мрачные портреты наших предков, а окна закрывали тяжелые занавески из саржи¹, но в маминых владениях мебель была выкрашена в белый, а на стенах чудесного пастельного цвета висели прелестные акварели маминой кисти: воздушные, выполненные в мельчайших деталях бутоны и распустившиеся цветы, каждая из работ — не крупнее листа писчей бумаги и в опрятной легкой рамке.

На мгновение мне почудилось, будто мама прямо сейчас здесь, со мной, в этой комнате.

Эх, если бы это было действительно так!

Тихо, на цыпочках, словно боясь потревожить ее дух, я прошла в следующую комнату — художественную мастерскую, довольно неприглядную на вид, с окнами без занавесок, пропускающими яркий дневной свет, простым дубовым паркетом — его легче всего отмыть от краски. Я быстро окинула взглядом мольберт, наклонный

¹ Ткань с особым диагональным плетением, может быть как шелковой, так и хлопчатобумажной.

стол¹, бумагу и принадлежности для рисования и нахмурилась, заметив деревянную коробочку.

Судя по всему, акварели и кисти мама с собой не захватила.

А я думала...

Как глупо с моей стороны! Мне следовало сразу пойти к ней в комнату. Она ушла вовсе не рисовать цветы. Куда и почему мама ушла, я пока не знала — но разве могла я найти ее в одиночку? Нет, я поступила глупо, глупо, глупо!

Я поплелась к следующей двери, ведущей в спальню.

На пороге я застыла — по нескольким причинам. Во-первых, мамина современная кровать со сверкающим каркасом медного цвета стояла незаправленной. Каждый божий день мама напоминала мне заправить постель и прибраться в комнате сразу после завтрака; вряд ли она сама оставила бы льняные простыни съехавшими с матраса, подушки разброшенными в стороны, а пу-

¹ Стол с наклонной столешницей, на котором удобно рисовать.

ховое одеяло свисающим на персидский ковер.

Во-вторых, мама не убрала одежду в шкаф. Коричневый твидовый костюм для прогулок был небрежно брошен на напольное зеркало.

Но позвольте — в чем же она вышла из дома, если не в своем любимом костюме, современном, практичном и подходящем для прогулок за городом, с юбкой на резинках, которую можно было подтянуть, чтобы не замочить и не испачкать подол, и снова опустить, как только на горизонте замаячит прохожий мужского пола?

Я отдернула бархатную штору, чтобы впустить свет в комнату, распахнула дверцы гардероба и уставилась на богатое разнообразие тканей: шерсть, гарус¹, муслин и хлопок соседствовали с дамастом², шелком, тюлем и бархатом. Видите ли, мама человек свободных взглядов, со стержнем, сторонница

¹ Хлопчатобумажная ткань с мелким печатным узором с обеих сторон, использовалась для домашних платьев.

² Ткань, обычно шелковая, сотканная так, чтобы гляцевый рисунок выступал на матовом фоне.

суффражисток и удобной женской одежды, в том числе струящихся, чувственных платьев, воспетых эстетом Рескином, — но в то же время она вдова сквайра, что возлагает на нее определенные обязательства. Поэтому в ее шкафу висели скромные костюмы для прогулок, благопристойные повседневные наряды, одежда для официальных визитов, вечернее платье с глубоким вырезом, мантилья для выездов и пышное бальное платье приглушенного фиолетового оттенка, которое мама не меняла уже много лет: мода ее ни капли не волновала. Выбрасывать она ничего и не думала. У нее сохранился черный «вдовый траур», который мама носила год после папиной смерти. Бронзово-зеленый костюм для верховой езды остался с тех времен, когда она выезжала на охоту на лис. Остался и серый городской костюм с юбкой в пол и с пелериной. Шерстяные накидки, стеганные атласные кофточки, юбки с узором из индийских огурцов, масса блузок... В хаосе лилового, темно-бордового, серо-голубого, лавандового, оливкового, черного, янтарного и коричневого цветов

сложно было разобрать, какого наряда не хватает.

Я закрыла дверцы шкафа и растерянно осмотрелась.

В комнате царил беспорядок. Половинки корсета и другое нижнее белье валялись на мраморном умывальнике у всех на виду, на комоде лежал причудливый предмет, похожий на пухлую подушечку из полупрозрачной ткани, набитую белым конским волосом, скатанным в шарики и завитки. Я его забрала — он оказался довольно упругим на ощупь — и спустилась на первый этаж, гадая, что же это такое.

В коридоре мне встретился Лэйн, он полировал деревянные панели. Я показала ему свою находку и спросила:

— Лэйн, что это?

Хороший дворецкий должен в любой ситуации сохранять невозмутимое выражение лица, и Лэйн постарался ничем не выдать своей неловкости, но все же слегка запнулся, отвечая на мой вопрос:

— Это... Э-э... Как сказать... Подкладка для платья, мисс Энола.

Подкладка для платья?

Не спереди же ее подкладывают? Тогда, значит, сзади.

О.

Я стояла посреди коридора напротив мужчины и держала в руках то, о чем не говорят вслух, то, что леди прячут под платье с широкой юбкой и прикрывают складками дорогой ткани.

— Прошу прощения! — воскликнула я, густо покраснев. — Я не знала. — Мне не приходилось носить турнюры, и раньше я их не видела. — Тысяча извинений.

Вдруг у меня мелькнула мысль, которая заставила забыть о смущении:

— Лэйн, а как была одета моя мать, когда уходила из дома вчера утром?

— Сложно сказать, мисс.

— При ней был чемодан или коробка?

— Совершенно точно нет, мисс.

— Ридикюль или дамская сумочка?

— Нет, мисс. Я бы заметил.

Мама редко ходила с сумочками.

— А костюм был... — Я не могла употребить при Лэйне непристойное слово «турнюр» и вместо этого сказала: — Со шлейфом? С пышной юбкой?

Что было бы очень на нее не похоже.

Однако Лэйн кивнул:

— Не скажу, во что именно она была одета, но припоминаю короткий жакет.

Такие жакеты носят с турнюр.

— И серую шляпку с высокой тульей.

Помню ее. Выглядит по-военному, напоминает перевернутый вверх дном цветочный горшок — простой народ называет такие шляпы «трехэтажными домиками с подвалом».

— Кроме того, при ней был зонт для прогулок.

Длинный черный зонт, хорошая замена трости, надежный и крепкий.

Как странно: мама взяла с собой мужской зонт и шляпу, но при этом оделась в платье с турнюр, с самой кокетливой и женственной юбкой.

Глава третья

ПЕРЕД УЖИНОМ ПРИШЕЛ ОТВЕТ ОТ МОИХ
братьев.

**ПРИЕДЕМ УТРОМ ПЕРВЫМ ПОЕЗДОМ ОСТА-
НОВКА ЧОСЕРЛИ ПРОСИМ ВСТРЕТИТЬ НА
СТАНЦИИ М&Ш ХОЛМС**

Чосерли, ближайший городок с железно-
дорожной станцией, располагался в десяти
милях от Кайнфорда.

Чтобы успеть к прибытию поезда, при-
дется выйти из дома на рассвете.

Я решила принять ванну накануне. За-
нятие это трудоемкое: приходится выта-
скивать металлическую громадину из-под
кровати, придвигать ее к камину, носить

ведра с водой и чайники с кипятком с первого этажа. Тем более что миссис Лэйн, несмотря на летнюю пору, помогать мне не стала: она разводила огонь у меня в спальне и рассказывала лучинам, углям, а затем и языкам пламени, что нормальные люди в дождливые дни не моются. Я хотела еще и помыть голову, но без помощи миссис Лэйн мне было не справиться, а у нее совершенно неожиданно обнаружился ревматизм рук, и она доверительно сообщила полотенцам, которые в тот момент нагревала:

— И трех недель не прошло, как ванну принимали, да и на улице еще холодно.

После этого я сразу легла в постель и завернулась в одеяло, а миссис Лэйн, все еще ворча себе под нос, положила мне в ноги бутылки с горячей водой.

Утром я раз сто провела расческой по волосам, чтобы они блестели, и убрала их назад, повязав белой лентой в тон платью — девушки из знатных семей обязаны ходить в белом, чтобы, знаете ли, щеголять пятнышками грязи на подоле! Я надела самый новый и чистый наряд и хорошенькие

кружевные панталоны — белые и длинные, свои любимые черные колготки и черные сапожки, которые Лэйн совсем недавно почистил.

На то, чтобы одеться и причесаться, у меня ушло довольно много времени, и позавтракать я уже не успевала. Я сняла с крючка в коридоре шаль — утро обещало быть холодным — и, сев на велосипед, стала усердно крутить педали, чтобы успеть к прибытию поезда.

Когда едешь на велосипеде, можно раздумывать о чем угодно: прохожие все равно не успеют заметить твоего выражения лица. Впрочем, предаваться мыслям о событиях прошедшего дня было малоприятно.

Я промчалась через Кайнфорд и свернула на дорогу к Чосерли.

Что же все-таки случилось с моей матерью?

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я задалась вопросом, удастся ли мне отыскать железнодорожную станцию и моих братьев.

Хотелось бы знать, почему мама назвала их «Майкрофт» и «Шерлок»? О чем она

думала? Задом наперед эти имена читаются как «Тфоркйам» и «Колреш».

Надеюсь, с ней все в порядке.

Нет, лучше думай про Майкрофта и Шерлока.

Интересно, я их узнаю, когда они сойдут с поезда? Последний раз я видела братьев на папиных похоронах — мне тогда было всего четыре года; помню только, что они казались мне очень высокими, особенно из-за цилиндров, обтянутых траурной лентой, и суровыми — из-за строгих черных сюртуков, черных перчаток, черных нарукавных повязок и лакированных кожаных сапог, тоже, разумеется, черных.

Неужели деревенские ребяташки были правы и отец в самом деле не выдержал моего запоздалого рождения и умер от горя? Или все же его свели в могилу плеврит и лихорадка, как говорила мама?

Интересно, а мои братья узнают меня после десяти лет разлуки?

Само собой, я понимала, почему они не навещали нас с мамой и почему мы к ним не приезжали: из-за позора, который я навлекла на семью, когда осмелилась поя-

виться на свет. Моим братьям повредили бы столь дурные связи. Майкрофт, занятой и влиятельный джентльмен, строил карьеру в правительстве в Лондоне, а Шерлок был известным частным детективом, и его друг и сосед доктор Джон Ватсон даже написал о нем книгу «Этюд в багровых тонах». Мама купила один экземпляр...

Не думай о маме.

...и мы обе его прочитали. С тех пор и начались мои мечты о Лондоне, при том что доктор Ватсон описал этот крупнейший морской порт, лоно королевской семьи, гнездо аристократии как «огромный мусорный ящик, куда неизбежно попадают бездельники и лентяи со всей империи»¹. Если верить моей любимой книге «Черный красавчик»², в Лондоне господа в белых галстуках и дамы в бриллиантах ходят в оперу, а на улицах бессердечные кебмены

¹ «Этюд в багровых тонах», 1887, перевод Н. Треневой (Артур Конан Дойл. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. Москва, издательство МП «Останкино», 1991. Глава 1, стр. 7–8).

² В русском переводе так и называется «Черный красавчик», автор Анна Сьюэлл, 1877 год.

загоняют несчастных лошадей до изнеможения. В Британском музее читают лекции великие ученые, в театрах собираются толпы зрителей, и их взгляды прикованы к чарующей сцене. Одни знаменитости проводят спиритические сеансы, чтобы наладить связь с духами умерших, другие силятся подыскать научное объяснение тому, как спиритуалист поднялся в воздух, вылетел из окна и влетел в ожидающий его экипаж.

В Лондоне нищие мальчишки не посещают школу, ходят в обносках и носятся по улицам без какого-либо надзора. В Лондоне злоумышленники убивают ночных бабочек — понятия не имею, что это за бабочки, — отбирают их отпрысков и продают в рабство. В Лондоне сосуществуют головорезы и высшее общество. В Лондоне живут талантливые музыканты, талантливые художники и талантливые преступники, которые похищают детей и заставляют их работать в злачных местах. О том, что это за места, я тоже не имею ни малейшего представления. Зато мне известно, что мой брат Шерлок приходит в эти злачные места

и бросает вызов убийцам, ворам и королям преступного мира и к нему с просьбами обращаются даже королевские особы. Мой брат Шерлок — настоящий герой.

Мне вспомнился список достижений брата, составленный доктором Ватсоном: ученый, химик, превосходный скрипач, безупречный стрелок и фехтовальщик на шпагах и рапирах, прекрасный боксер и несравненный мастер дедуктивного метода.

Я мысленно перечислила собственные достоинства: умею читать, писать и считать, быстро находить птичьи гнезда, успешно выкапывать червей и ловить рыбу; ах да — и ездить на велосипеде.

Сравнение оказалось настолько унижительным, что я сосредоточила внимание на дороге, стараясь ни о чем не думать, и так доехала до самого Чосерли.

Меня немного смутила толпа на мощеных улицах. На земляных дорожках в Кайнфорде мне не приходилось лавировать между продавцами фруктов и их тачками, пышными тетками с корзинками сладостей на продажу, нянями с колясками, прохожими, которые старались не по-

пасть под колеса телег, экипажей, двуколок, повозок, нагруженных пивом, углем, дровами, кареты и даже омнибуса, запряженного аж четырьмя лошадьми. И как прикажете искать в этом хаосе железнодорожную станцию?

Минутку. Я кое-что заметила. Белое облако в сером небе над крышами домов, похожее на страусиное перо в дамской шляпке, — дым, поднимающийся из трубы паровоза.

Я налегла на педали и вскоре услышала оглушительный рев, визг, звон приближающегося железного чудовища. Мы с ним приехали на платформу одновременно.

С поезда сошли всего несколько пассажиров, и я без труда узнала в двух высоких джентльменах своих братьев. Они были одеты для поездки за город: в темные твидовые костюмы с изящной каймой, воздушные шейные платки и шляпы-котелки. И лайковые перчатки. Только благородные господа ходят в жару в перчатках. Один из моих братьев немного располнел, и даже сбоку можно было заметить выпирающий шелковый жилет. Я предположила, что это

Майкрофт. Шерлок, младше его на семь лет, стройный как гончая, был в костюме угольного цвета и черных сапогах и держался прямо, как штык.

Они прошли по платформе, помахивая каждый своей тростью, и огляделись, но их взгляды скользнули мимо меня.

Все, кто стоял на платформе, с удивлением глазели на приезжих джентльменов.

Я спрыгнула с велосипеда, и у меня, к моему стыду, чуть не подкосились колени. Кружево на панталонах — возмутительно хлипком предмете детского гардероба — зацепилось за цепь, порвалось и повисло над левым сапожком.

Пытаясь приладить его на место, я выронила шаль.

Нет, так не пойдет. Я сделала глубокий вдох, бросила шаль на велосипед, прислонив его к стене, выпрямилась и подошла к братьям не особенно уверенной походкой.

— Мистер Холмс, — позвала я. — И... Э-э... Мистер Холмс?

На меня устремился взгляд серых глаз. Оба аристократа вскинули брови.

— Вы... Вы просили, чтобы вас встретили на станции, — сказала я.

— Энола?! — воскликнули они хором и добавили, перебивая друг друга: — Зачем ты сюда приехала? Почему не отправила экипаж?

— Удивительно, как мы ее не узнали, — проговорил полный джентльмен. — Она невероятно на тебя похожа, Шерлок.

Значит, я угадала, и Шерлок — высокий и тощий. Мне понравились его резкие черты лица и большой нос, похожий на клюв, но вот ему сравнение со мной явно пришлось не по душе:

— Я думал, это уличная девчонка.

— На велосипеде? — иронично уточнил Майкрофт.

— Но почему ты на велосипеде? — спросил Шерлок. — Где экипаж, Энола?

Я удивленно моргнула. Экипаж? Ландо и фэзтон пылятся у нас в помещении для карет, но лошадей в поместье не было уже очень давно — с тех пор, как мамин дряхлый охотник отошел в мир блаженства и зеленых полей.

— Конечно, я могла бы нанять коней, — медленно проговорила я. — Но меня не учили их запрягать и управлять экипажем.

— Зачем же мы платим за услуги конюха и его подручного?! — воскликнул Майкрофт.

— Прошу прощения? — пробормотала я.

— Хочешь сказать, у вас нет лошадей?

— Разберемся с этим потом, Майкрофт, — бросил Шерлок и подозвал слоняющегося без дела парнишку. — Ты! Найми нам небольшую карету. — Он бросил ему монетку, и парнишка услужливо коснулся кепки и убежал.

— Подождем в здании, — сказал Майкрофт. — Здесь, на ветру, прическа Энолы с каждой минутой все сильнее напоминает воронье гнездо. Где твоя шляпа, Энола?

К тому моменту я уже упустила возможность сказать «Добрый день» и услышать от братьев в ответ «Как приятно снова с тобой увидеться, милая сестра» или хотя бы пожать им руки, хоть я и была позором для семьи. К тому же до меня наконец дошло, что просьба встретить на станции означала не желание увидеть меня лично, а отправить

экипаж с кучером, который довез бы Майкрофта и Шерлока до поместья. Что ж, мне даже на руку, что им неинтересна беседа с младшей сестрой, поскольку сказать мне нечего и чувствую я себя довольно глупо.

— А где перчатки? — упрекнул меня Шерлок, взял за руку и повел ко входу на станцию. — Приличная, красивая одежда? Ведь ты юная леди, Энола.

Эти слова меня не на шутку встревожили:

— Мне только-только исполнилось четырнадцать!

— Но я оплачивал услуги швеи... — несчастным бесцветным голосом проговорил Майкрофт.

Шерлок посмотрел на меня и с важным видом произнес:

— Благородным девушкам положено ходить в длинных юбках с двенадцати лет. О чем только думала твоя мать? Полагаю, она теперь ушла к суфражисткам?

— Я не знаю, куда она ушла, — прошептала я и неожиданно для самой себя — с тех пор, как пропала мама, я еще не плакала — разрыдалась.

* * *

Разговоры о маме отложили до приезда экипажа. Мой велосипед пристегнули к задней стенке, и мы покатались в сторону Кайнфорда.

— Мы с тобой бессердечные глупцы, — сообщил Шерлок Майкрофту и протянул мне огромный накрахмаленный платок, который неприятно царапал кожу. Наверное, братья думали, что я горюю по маме. Отчасти они были правы. Но я плакала еще и от жалости к себе.

Энола.

Одна.

Мои братья сидели напротив, плечом к плечу, но смотрели куда угодно, только не на свою сестру. Очевидно, им было за меня стыдно. Через несколько минут после того, как мы отъехали от станции, я немного успокоилась и только тихонько всхлипывала, но сказать мне было вроде бы нечего. Небольшой экипаж, больше похожий на ящик на колесах с маленькими окошками, не располагал к беседе, и рассматривать пейзаж за окном я тоже была не в настроении.

— Итак, Энола, — утрюмо проговорил Майкрофт. — Ты готова рассказать нам о случившемся?

Я кивнула и поведала ему о событиях прошедших дней, но ничего нового братья от меня, считай, не услышали. Мама вышла из дома утром во вторник и не вернулась. Нет, она не оставила ни письма, ни записки с объяснениями. Нет, больной она не выглядела, и со здоровьем у нее было все в порядке. Нет, никто ее не видел. Нет, Шерлок, я не обнаружила ни пятен крови, ни отпечатков ног, ни следов взлома, и никаких подозрительных незнакомцев у поместья не замечала. Нет, выкупа у нас не требовали. Если у мамы и были враги, я о них не знала. Да, в полицию Кайнфорда я обо всем доложила.

— Заметно, — обронил Шерлок, выглядывая в окошко экипажа, когда мы подъезжали к Фернделл-парку. — Вот они, полицейские — бродят по деревне, заглядывают в кусты и в целом ведут себя крайне непрофессионально.

— Они что, надеются отыскать ее под боярышником? — проворчал Майкрофт, тоже

повернувшись к окну. Вдруг его кустистые брови взмыли аж к полям шляпы. — Что сделали с землями?!

— Ничего, — с удивлением возразила я.

— Вот именно — ничего: ими уже много лет никто не занимается! Все поросло сорняками...

— Любопытно, — пробормотал Шерлок.

— Варварство! — возмущался Майкрофт. — Трава фут высотой, повсюду ростки дрока, кусты ежевики...

— Это шиповник, — поправила я брата. Мне шиповник очень нравился.

— На лужайке перед домом?! Позволь, Энола, за что же мы платим садовнику?!

— Садовнику? У нас нет садовника.

Майкрофт набросился на меня словно ястреб:

— Как так? У вас работает садовник по фамилии Рагглз, и вот уже десять лет я плачу ему по двенадцать шиллингов в неделю!

Я распахнула рот от удивления. Как мой брат мог столько лет находиться под ложным впечатлением, будто в поместье есть садовник?! Я даже не знала никакого Рагглза! Более того, я и не подозревала, что

Майкрофт посылает нам деньги. Я считала, что они прилагаются к помещью вместе с перилами, канделябрами и прочей мебелью.

— Майкрофт, — вмешался Шерлок, — если бы этот человек и правда служил в поместье, не сомневаюсь, Эноле он был бы знаком.

— Ха! Не знала же она о...

Шерлок его перебил, обратившись ко мне:

— Не обращай на Майкрофта внимания, Энола. Он чувствует себя не в своей тарелке за пределами своих комнат, кабинета и клуба «Диоген».

Майкрофт отмахнулся от брата и подался вперед:

— Энола, у вас правда нет ни лошадей, ни конюха, ни его подручного?

— Нет. То есть да.

У нас в самом деле их не было.

— Так что же — да или нет?

— Майкрофт, — опять вмешался Шерлок, — обрати внимание, что у нашей дорогой сестры голова совсем небольшая по сравнению с вытянутым туловищем. Про-

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

шу, оставь ее в покое. Зачем расстраивать и запугивать Энолу, если ты скоро сам все увидишь?

Действительно, ровно в ту минуту наш экипаж подъехал к воротам Фериделл-холла.

Глава четвертая

Я зашла в мамины комнаты вслед за братьями и заметила, что в японской вазе на кофейном столике завяли цветы. Должно быть, мама собрала этот букет накануне своего исчезновения.

Я взяла вазу и прижала ее к груди.

Шерлок стремительно прошел мимо меня. Он отмахнулся от приветствия мистера Лэйна, отказался от чая, предложенного миссис Лэйн, и не пожелал ни на минуту откладывать расследование. Он осмотрелся в светлой, наполненной свежим воздухом гостиной, окинул взглядом мамины акварели и прошел через мастерскую в спальню. И громко ахнул.

— В чем дело? — спросил запоздавший Майкрофт. Он шел медленно, прогулочным шагом, и к тому же перекинулся парой слов с дворецким, когда отдавал ему трость, шляпу и перчатки.

— Ужасно! — воскликнул Шерлок. Я предположила, что его возмутили беспорядок и разбросанное по комнате нижнее белье. — Как непристойно! — Да, однозначно белье. Шерлок вернулся в студию и добавил: — Вероятно, она собиралась в спешке.

«Вероятно», — с сомнением подумала я.

— Или наша матушка со временем стала более неряшливой, — уже спокойнее произнес он. — В конце концов, ей шестьдесят четыре.

От вазы, которую я прижимала к груди, исходил неприятный запах застоявшейся воды и подгнивших стеблей. Должно быть, свежим этот букет пах великолепно. Я отметила, что он собран из душистого горошка.

И чертополоха.

— Душистый горошек с чертополохом? — удивилась я. — Странно.

Братья обернулись и хмуро посмотрели на меня.

— Твоя мать сама была странной, — отрезал Шерлок.

— Полагаю, не была, а есть до сих пор, — примирительно добавил Майкрофт и осуждающе покосился на брата.

Так, значит, они тоже подозревают, что мама... Умерла.

— Судя по ее комнатам, наша матушка перешла от странностей к старческому слабоумию, — грубо заявил Шерлок.

Какая разница, герой он или нет? Его поведение начинало меня раздражать. И расстраивать. Ведь это и его мать тоже; как он может так холодно о ней отзываться?!

Тогда я еще не знала — откуда мне? — что жизнь Шерлока Холмса в те времена проходила в гнетущем мраке. Он страдал от меланхолии, и порой тоска накатывала на него с такой силой, что великий сыщик неделями не вставал с постели.

— Слабоумию? — повторил Майкрофт. — Ты не мог прийти к более разумному умозаключению?

— К примеру?

— Ты же сыщик. Доставай лупу. Ищи.

— Я уже все осмотрел. Здесь искать больше нечего.

— А на улице?

— После вчерашнего ливня? Он смыл все следы. Мы уже не узнаем, куда она ушла. Глупая женщина.

Меня так опечалили его слова, что я вышла в коридор и спустилась на первый этаж, не забыв захватить с собой вазу.

На кухне я увидела миссис Лэйн. Она стояла на четвереньках и драила пол жесткой щеткой, так усердно оттирая дубовые доски, что несложно было догадаться: кухарка тоже возмущена поведением моих братьев.

Я выбросила увядший букет в деревянное мусорное ведро, прямо на овощные очистки.

Миссис Лэйн проворчала, обращаясь к полу:

— А я так радовалась, что снова увижусь с мистером Майкрофтом и мистером Шерлоком!

Я поставила позеленевшую изнутри вазу на покрытую свинцом деревянную раковину и пустила воду из крана.

Миссис Лэйн прошептала жесткой щетке:

— Но ничего не изменилось — все та же глупая обида, и ни слова доброго о матери не скажут, а она, быть может, лежит где бездыханная...

Кухарка осеклась и всхлипнула. Я промолчала, боясь сделать только хуже.

Миссис Лэйн продолжила тереть пол, тихонько всхлипывая, а затем добавила:

— Неудивительно, что они холостяки. У них ведь все в жизни есть, и они это принимают как данность. И не могут смириться с тем, что и у женщин бывает стержень.

На стене над печкой зазвенел колокольчик, соединенный проводами с колокольчиками в других комнатах.

— Это из маленькой столовой, — сказала кухарка. — Видимо, господа изволили проголодаться, а я тут по локоть в грязи.

Я не успела поесть с утра и сама не отказалась бы от второго завтрака. К тому же мне интересно было узнать, как продвигается расследование. Я оставила вазу на кухне и отправилась в маленькую столовую.

Братья сидели за небольшим столиком напротив друг друга. Шерлок курил трубку и хмуро смотрел на Майкрофта.

— Лучшие умы Англии, без сомнения, разберутся в этом запутанном деле, — говорил Майкрофт. — Итак, добровольно ли ушла мать? Собиралась ли она вернуться? В спальне беспорядок, а это значит...

— ...что она покинула дом в спешке, повинувшись внезапной прихоти, — перебил его Шерлок. — Или в голове у матушки царил такой же хаос, как и в ее комнате. Разве женщина способна поступать логически, особенно в пожилом возрасте?!

Когда я зашла в столовую, они устали на меня с таким видом, будто все еще надеялись, что на самом деле я всего лишь горничная, хоть и знали уже, что горничных у нас в доме нет.

— Нам подадут второй завтрак? — спросил Майкрофт.

— Как знать, — ответила я и тоже села за стол. — Миссис Лэйн сейчас не в лучшем настроении.

— И правда.

Я посмотрела на моих высоких, красивых (по крайней мере, на мой вкус) братьев блистательного ума. Я ими восхищалась. Мне

хотелось с ними поладить. Хотелось, чтобы они...

«Глупости! Ты и одна прекрасно справишься, Энола».

А они больше не обращали на меня внимания.

— Уверяю тебя, мать не впала в старческий маразм и не страдает от слабоумия, — обратился Майкрофт к Шерлоку. — Маразматик не способен безупречно подделывать кипы документов, которые она присылала мне все эти годы, детально описывать необходимые расходы на ванную комнату...

— ...которой не существует, — едко вставил Шерлок.

— ...туалетную комнату...

— Аналогично.

— ...растущие зарплаты лакеев, горничных, судомоек, приходящей прислуги...

— Воображаемых.

— ...садовника, помощника садовника, мастера на все руки...

— Также воображаемых, если только не считать Дика.

— Если кривые руки тебя устраивают, можно посчитать и Дика, — пошутил Майк-

рофт, но я заметила, что ни он, ни Шерлок не улыбнулись. — Даже удивительно, почему в списке прислуги не числился пес породы колли! В конце концов, его тоже можно посчитать. Мать писала мне о выдуманных лошадях, пони, экипажах, кучерах, конюхах, их подручных...

— Ничего не скажешь — она обвела нас вокруг пальца. Как это ни прискорбно.

— ...об учителях музыки и танцев для Энолы, о гувернантке... — продолжал Майкрофт.

Братья встревоженно переглянулись, очевидно столкнувшись с новой неувязкой, которая обещала быть особенно неприятной. Они развернулись, словно по команде, и впились в меня взглядом.

— Энола, — спросил Шерлок, — у тебя есть хотя бы гувернантка?

Никакой гувернантки у меня, конечно, не было. Я посещала школу вместе с деревенскими ребяташками, а когда окончила все классы, мама сказала: «Дальше ты и сама справишься, Энола», и я с ней согласилась. И прочла все книги из библиотеки Ферн-

делл-холла, от «Детского цветника стихов» до «Британской энциклопедии».

Заметив мое замешательство, Майкрофт перефразировал вопрос:

— Ты получила образование, достойное юной леди?

— Я читала Шекспира. А еще Аристотеля, Локка, романы Теккерея и эссе Мэри Уолстонкрафт¹.

Они помрачнели. Пожалуй, если бы я сказала, что училась выступать в цирке, это их ужаснуло бы и то меньше.

Шерлок повернулся к Майкрофту и тихо произнес:

— Это я виноват. Разве можно довериться женщине, пускай это и наша мать! Мне следовало навещать их каждый год, не реже, не важно, сколь неприятными были бы эти визиты.

Майкрофт ответил ему точно таким же печальным, слабым голосом:

¹ «Эссе в защиту Прав женщин», 1732 г. Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) — предтеча суфражисток. Упомянутое эссе принесло ей скандальную известность.

— Напротив, мой дорогой брат, это я пренебрег своими обязанностями. Как старший, я...

Его прервал еле слышный кашель, и в маленькую столовую вошел Лэйн с подносом. На второй завтрак он принес сэндвичи с огурцом, фруктовую тарелку и графин лимонада. На минуту в комнате воцарилась благословенная тишина. Пока Лэйн сервировал стол, я сформулировала вопрос и задала его после того, как дворецкий вышел в коридор:

— Какое все это имеет отношение к исчезновению матери?

Майкрофт ничего не ответил и опустил взгляд на тарелку.

Шерлок постучал пальцами по накрахмаленной кружевной скатерти.

— Мы обдумываем теорию, — наконец сказал он.

— Какую?

Опять тишина.

— Мать вернется или нет? — спросила я.

Они долгое время не смотрели на меня, а потом Шерлок взглянул на брата и сказал:

— Майкрофт, думаю, она заслуживает правды.

Майкрофт тяжело вздохнул, но все же кивнул и отложил надкушенный сэндвич — уже третий по счету.

— Мы пока не знаем, имеет ли произошедшее какое-либо отношение к тому, что случилось после сме... После того, как отец отошел в мир иной, — произнес Майкрофт, повернувшись ко мне. — Полагаю, ты ничего не помнишь.

— Мне было четыре года, и я помню только черных лошадей, — призналась я.

— Не сомневаюсь. Так вот, через несколько дней после похорон у нас возникли разногласия...

— Это мягко сказано, — перебил его Шерлок. — Это была настоящая битва!

Майкрофт проигнорировал его замечание и продолжил:

— Разногласия касательно Фернделлхолла. Мы с Шерлоком не собирались в нем жить, и мать решила сама управлять помещением и напрямую получать с него прибыль.

Так и вышло, разве нет? Однако Майкрофту эта мысль явно казалась абсурдной.

— По закону поместье переходит в наследство старшему сыну, — объяснил Майкрофт. — С этим наша мать не спорила, но считала, что управлением должна заниматься именно она. Мы с Шерлоком напомнили ей, что она даже не имеет законного права жить в Фернделл-холле без моего разрешения. Тогда она повела себя крайне неблагодарно и заявила, что не желает нас больше видеть.

Боже. Мой. Голова закружилась так, словно меня подвесили за ноги на ветку дерева. Всю жизнь я наивно полагала, что братьев отчуждал от нас позор моего позднего рождения, а на самом деле они сторонились родного дома из-за глупой ссоры!

Что же чувствовал Майкрофт? А Шерлок?

Я не знала, что и думать. Эта новость меня поразила. Однако на душе как будто полегчало.

— Я присылал ей ежемесячную помощь, — добавил Майкрофт. — А мать отправляла мне деловые письма с требованиями увеличить содержание. Я попросил докладывать о том, на что уходят деньги,

и она легко на это согласилась. Ее просьбы выглядели более чем обоснованными, так что я и не думал ей отказывать. Однако, как выяснилось, списки эти были лживыми. А на что все эти финансы тратились на самом деле, нам... неизвестно.

Я заметила, что в конце голос у него дрогнул.

— И все же у вас есть одно предположение? — спросила я, обращаясь к обоим братьям.

— Да. — Майкрофт сделал глубокий вдох. — Мы полагаем, что мать копила средства для побега. — Он выдохнул и выдержал долгую паузу. — Скорее всего, она забрала «свои» деньги и покинула Фернделл-холл. Теперь ей, так сказать, плевать на нас с высокой колокольни.

О чем он говорит? Мама меня бросила?! Я разинула рот.

— Пожалей девочку, Майкрофт, она не способна переварить сразу столько информации, — прошептал Шерлок и ласково произнес, повернувшись ко мне: — Энола, скажу прямо: мы убеждены, что наша мать сбежала.

Но... Это же возмутительно! Невозможно! Она бы так со мной не поступила!

— Нет! — выпалила я. — Не верю!

— Сама подумай, Энола, все на это указывает, — произнес Шерлок таким тоном, каким обычно говорила со мной мама. — Будь она ранена — ее бы нашли полицейские. Случись какое несчастье — до нас дошли бы слухи. Никто не желал ей вреда, не надеялся ее обмануть. Похитители потребовали бы выкуп, но мы не получили никаких подобных писем. — Он тяжело вздохнул. — Если же мать жива, здорова и делает все, что ей вздумается...

— Как обычно, — вставил Майкрофт.

— ...беспорядок в комнате — лишь для отвода глаз, — заключил Шерлок.

— Она хотела сбить нас с толку, — согласился Майкрофт. — Судя по всему, матушка еще десять лет назад начала планировать побег...

Я резко выпрямилась на сиденье и жалобно протянула:

— Но она ведь могла сбежать когда угодно, правда? Почему мама ушла именно в мой день рождения?!

Братья уставились на меня с раскрытыми ртами. Эта деталь от них ускользнула.

Вот только я не смогла вдоволь насладиться своей победой, потому что вспомнила о другой неприятной детали, от которой по спине у меня пробежал холодок: мама поручила миссис Лэйн передать мне подарки — на случай, если не вернется к чаю.

Или никогда.

Глава пятая

ГЛАЗА ЖГЛО ОТ СЛЕЗ. Я СКАЗАЛА, ЧТО У МЕНЯ нет аппетита, и поспешно удалилась из маленькой столовой.

Мне хотелось выйти на улицу, подышать свежим воздухом, привести мысли в порядок. Я взяла набор для рисования — мамин подарок — и выбежала через дверь кухни, а там пронеслась мимо огорода, пустой конюшни, заросшей лужайки и остановилась у леса, который располагался на территории поместья. Дыхание у меня сбилось, и я медленно побрела в глубь дубовой чащи уже в более приподнятом настроении.

Лес казался опустевшим. Видимо, полицейские продолжали поиски на дальних полях и болотах.

Я спустилась по крутому склону к своему любимому местечку: глубокой каменной ложине, заросшей папоротником, листья которого походили на бархатные дамские платья. Там протекал ручей с усыпанным галькой дном, и у плакучей ивы разливался в небольшой пруд. Я карабкалась по камням, не жалея юбки и панталон, пока не выбралась к дереву. Я обняла крепкий ивовый ствол и прижалась щекой к покрытой мхом коре, а потом опустилась на четвереньки и залезла в тенистую ложбину между склоненной кроной и ручьем.

Это было мое тайное укрытие, о котором не знал никто, кроме меня. Здесь хранились мои сокровища, которые миссис Лэйн непременно выкинула бы, вздумай я принести их домой. Пока глаза привыкали к полумраку, я устроилась на мягкой земле поуютнее. На каменных полочках, которые я сама соорудила, лежали раковины улиток, разноцветные камешки, шапочки желудей, пестрые сине-коричневые перья сойки, красивая запонка, треснувший медальон и дру-

гие драгоценности, найденные в сорочьих гнездах.

Я вздохнула с облегчением и, подтянув колени к подбородку, обхватила их руками, хотя приличным леди так сидеть уж точно не полагалось. Я посмотрела на бурлящий ручей. В пруду плавали мальки радужной форели. Обычно я отрешалась от всего, наблюдая за тем, как они то уносятся в разные стороны, то собираются вместе.

Но не сегодня. Я все думала о маме, о том, что дома меня ждет не она и что скажут Шерлок и Майкрофт, когда я вернусь в грязном платье...

«Нарисуй на них карикатуру», — пронеслось у меня в голове.

Я опустилась на колени, открыла деревянную коробочку с набором для рисования и достала из нее карандаш и несколько листов бумаги. На одном из них я грубо набросала Майкрофта в коротких гетрах, с моноклем и тяжелой цепью карманных часов на выпирающем жилете.

На втором — Шерлока с вытянутыми худыми ногами, острым носом и подбородком.

Потом мне захотелось нарисовать маму, ведь на нее я тоже была в обиде. Как она выглядела в день побега? Шляпа, похожая на перевернутый цветочный горшок, короткий жакет, платье с турнюр — странное сочетание...

Мама не взяла с собой ни краски, ни кисти.

Она знала, что не вернется к празднованию моего дня рождения.

Нет, мама явно что-то затевала. Как бы горько мне ни было это признавать.

Пока я тщетно ее искала, вне себя от тревоги и переживаний, она наслаждалась своим приключением в гордом одиночестве.

Казалось бы, мне следовало обрадоваться, что мама жива.

Однако я не радовалась. Я была раздавлена. Она меня бросила. С таким же успехом можно было отказаться от меня сразу после родов.

Положить в корзинку и оставить на чужом пороге.

Почему она так не поступила? Почему ушла именно сейчас? Куда? Я опустила руку

с карандашом и задумалась. Потом отложила рисунки и написала на чистом листе бумаги ряд вопросов:

Почему мама не забрала меня с собой?

Почему не села на велосипед, если собиралась в дальний путь?

Почему так странно оделась?

Почему не вышла через ворота?

Если мама собралась пешком путешествовать по стране, куда она могла направиться?

Предположим, транспорт нашелся — куда бы мама на нем уехала?

Как поступила с накопленными средствами?

Почему при ней не было никаких вещей, ведь она замыслила побег?

Почему мама сбежала в мой день рождения?

Почему не попрощалась, ничего не объяснила?

Я отложила карандаш и уставилась невидящим взглядом на маленькие водовороты в ручье и крошечных мальков форели, похожих на черные слезинки.

В подлеске за ивой зашуршала листва. В мое укрытие заглянула знакомая лохматая морда.

— Это ты, Реджинальд? Я хочу побыть одна, — сказала я, но при этом все же потянулась к старому псу. Он уткнулся носом мне в щеку и радостно повил клочковатым хвостом, а я бережно его обняла. Вдруг сверху раздался мелодичный голос:

— Благодарю тебя, Реджинальд.

Надо мной стоял мой брат Шерлок.

Я ахнула, оттолкнула Реджинальда и метнулась к рисункам, лежащим на земле, но Шерлок меня опередил.

Он с удивлением посмотрел на листы, а затем, закинув голову вверх, залился тихим, но искренним смехом, и так долго смеялся, что в конце концов без сил опустился на гладкий камень у ивы, хватая воздух ртом.

Я густо покраснела от стыда, но брат мне улыбнулся:

— Молодец, Энола. У тебя получились отличные карикатуры. — Он вернул мне

рисунки. — Думаю, Майкрофту их лучше не видеть.

Я опустила взгляд и спрятала листки на дно деревянной коробочки.

— Знаешь, рано или поздно эта покосившаяся ива рухнет в ручей, — добавил Шерлок. — Будем надеяться, что в этот момент тебя под ней не окажется.

Он не насмехался над моим тайным убежищем, но в голосе его слышались осуждение и просьба выйти на свет. Я нахмурилась, но подчинилась.

— А это что за бумажка? — спросил Шерлок. — Я взгляну?

Мой список вопросов. Ладно, уже не важно, что брат обо мне подумает. Я отдала ему листок и плюхнулась на поросший мхом камень.

Шерлок внимательно изучил список. Его узкое угловатое лицо приобрело серьезное выражение.

— Ты перечислила самые важные моменты, — заключил он с заметным удивлением. — Полагаю, матушка не хотела, чтобы сторож запомнил, в какую сторону она пошла, и поэтому не воспользовалась глав-

ными воротами. А транспорт мог заметить случайный прохожий: вероятно, из-за этого она не поехала по дороге. Хитро. Теперь нам ни за что не догадаться, где ее искать — на севере, юге, востоке или западе.

Я кивнула и выпрямила спину. Настроение заметно поднялось. Старший брат не поднял меня на смех, а поделился собственными выводами.

Теперь я поняла, почему на душе у меня полегчало во время разговора за вторым завтраком.

Тогда выяснилось, что братья не приезжали к нам из-за крупной ссоры с матерью и моей вины здесь не было. Во мне затеплилась надежда.

Вдруг мое желание сбудется и у меня еще есть возможность с ними поладить?

Я хотела, чтобы они... О том, чтобы Майкрофт и Шерлок меня полюбили, я и не мечтала. Но пусть я хотя бы буду им не безразлична.

— А на остальные вопросы, Энола, мы постараемся найти ответы, — договорил Шерлок.

Я снова кивнула.

— Одного я не понимаю, — задумчиво добавил он. — Разве матушка странно оделась? По описанию Лэйна мне так не показалось.

Я вспомнила неловкий разговор с Лэйном и смущенно пробормотала:

— Ее... э-э... юбка.

— А, турнюр? — спокойно уточнил Шерлок. — Говорят, один каннибал как-то спросил жену миссионера: «У вас там все девушки рождаются с уродствами?» Что ж, не нам судить леди и их попытки прихорошиться. Ох уж эта дамская логика! — Он пожал плечами и отложил листок. — Энола, через час я возвращаюсь в Лондон. А искал я тебя, чтобы попрощаться и сказать, как приятно мне было увидеться с тобой снова, по прошествии стольких лет.

Он протянул мне руку — разумеется, в перчатке. Я машинально ее пожала. У меня пропал дар речи.

— Майкрофт останется в Фернделл-холле, но всего на несколько дней. Ему не терпится вернуться в его драгоценный клуб «Диоген».

Я сглотнула комок в горле и спросила:

— А что ты будешь делать в Лондоне?

— Наведу справки в Скотленд-Ярде. Попрошу у судоходных компаний списки пассажиров. На всякий случай. Ведь вполне можно предположить, что мать сбежала из Англии, например, на юг Франции, в место паломничества всех художников, или в другое место, где собираются творческие люди... А может, отправилась к какому-нибудь храму суффражисток. — Шерлок внимательно на меня посмотрел и спросил: — Энола, ты провела с ней много лет, а я давно не видел матушку. Как ты думаешь, куда она могла податься?

Великого Шерлока Холмса интересует мое мнение?! Однако ответить мне было нечего. Он же сам говорил, что я не могу переварить сразу много информации, и явно был не лучшего мнения о моих умственных способностях! Я залилась краской и отрицательно покачала головой.

— И местная полиция ничего не знает, — медленно проговорил Шерлок. — В таком случае я поехал. — Он поднялся на ноги и коснулся шляпы, но приподнимать

ее не стал. — Не переживай, Энола. Судя по всему, матушка в полном порядке.

Он поднялся по крутому склону с удивительной грацией, элегантно помахивая тростью, как будто шел не по заросшим папоротником камням в лесу, а по мраморной лестнице во дворце. Наверху он взмахнул тростью как будто на прощание, но даже не обернулся и размеренным шагом направился в сторону Фернделл-холла, а Реджинальд потрусил за ним, виляя хвостом.

Я провожала Шерлока взглядом, пока он не исчез за деревьями, и думала о том, что пусть не по его вине, но встретимся мы с ним еще не скоро.

* * *

Я вернулась в поместье и пошла искать «подкладку для платья», как выразился Лэйн. Она лежала там, где я ее оставила — в коридоре, на самом видном месте. Интересно, почему мама не подложила эту подушечку под юбку, а бросила на комод? Я пошла на второй этаж, чтобы положить турнюр на место — вдруг он потребуется маме, когда она...

...вернется?

С чего бы ей возвращаться?

Ведь она ушла по собственной воле. Это был ее выбор.

Я села в кресло с деревянными ручками, стоящее в коридоре, и скрючилась над турнюром словно вопросительный знак. Некоторое время я сидела неподвижно.

А потом резко вскинула голову и стиснула зубы. Раз уж мама меня бросила, я имею право взять из ее комнаты все, что угодно.

Мною двигали и обида, и необходимость. Я испачкалась в грязи, а переодеться было особо не во что. Остальные «белые» платья давно пожелтели, и с них не отстирывались пятна от травы и земли. Почему бы не воспользоваться маминым гардеробом?

Я встала с кресла, подошла к маминым комнатам и повернула ручку.

Дверь не открылась. Она была заперта.

Что за кошмарный день! Я подбежала к перилам и капризно крикнула:

— Лэйн!

В ту же секунду дворецкий волшебным образом материализовался у подножия

лестницы; а ведь он мог быть где угодно, от чердака до подвала!

— Тише, мисс Энола, — прошептал Лэйн, прикладывая к губам затянутый в ткань белой перчатки палец. — Мистер Майкрофт дремлет.

Я закатила глаза и поманила его к себе. Дворецкий поднялся, и я тихо попросила:

— Дайте мне ключ от комнат матери.

— Мистер Майкрофт приказал держать их закрытыми.

Я так удивилась, что забыла о раздражении:

— Зачем же?

— Не могу знать, мисс Энола.

— Что ж, ключ мне не потребуется, если вы отопрете дверь.

— Я обязан спросить разрешения у мистера Майкрофта, мисс Энола, а если его разбудить, он непременно рассердится. Мистер Майкрофт приказал...

Мистер Майкрофт то, мистер Майкрофт се — да чтобы он подавился! Я поджала губы и показала Лэйну турнюр:

— Мне надо положить его на место.

Я с удовлетворением отметила, что дворецкий покраснел — впервые на моей памяти.

— Кроме того, — процедила я сквозь зубы, — мне необходимо заглянуть в мамин шкаф для одежды и выбрать себе наряд. Если на ужин я приду в этом грязном платье, мистер Майкрофт не просто рассердится, а придет в бешенство. У него пена изо рта пойдет. Отоприте дверь.

Лэйн послушался, больше не смея мне возражать. Ключ он зажал в кулаке и встал у двери, дожидаясь, пока я выйду.

Я из вредности решила никуда не торопиться и неспешно разглядывала мамины платья. Что за странные новые порядки! Комнаты заперты, вход только по разрешению Майкрофта — как так можно?!

Интересно, мама забрала свой ключ?

От этой мысли мне стало дурно. Если бы мама вышла на прогулку с намерением вернуться вечером домой, она бы непременно захватила с собой ключ.

А если он остался в комнате... Что ж, тут и гадать нечего.

Я отошла от шкафа, собралась с силами, сделала глубокий вдох и осмотрела костюм для прогулок, наброшенный на напольное зеркало.

Ключ лежал в кармане жакета.

Я посмотрела на него невидящим взглядом. Казалось, он оттягивал мою руку к земле. Овальная головка, зубчатый прямоугольный выступ на конце штока. Холодный железный ключ.

Она и не думала возвращаться.

В то же время этот ненавистный кусочек металла стал моим самым дорогим сокровищем. Я крепко сжала его в кулаке, набросила на руку одно из маминых платьев, чтобы спрятать ключ от посторонних глаз, и вышла в коридор.

— Благодарю, Лэйн, — сухо сказала я, и дворецкий снова запер дверь.

* * *

Майкрофт вежливо промолчал, когда я спустилась ужинать в свободном струящемся платье без воротника, которое висело на мне, как простыня на метле. Ростом я была примерно с маму, но фигурой

обладала не столь женственной. В любом случае, платье привлекло меня красивым нежно-персиковым оттенком, а не изящным силуэтом. Подол волочился за мной по полу, но это мне даже нравилось: он прикрывал детские сапожки. Я повязала легкий пояс, чтобы подчеркнуть талию, которой у меня, считай, не было, надела ожерелье и уложила волосы, хотя красоту прически все равно портил их скучный коричневатый цвет. В целом я больше походила на наряженного ребенка, чем на леди, и сама это понимала.

Майкрофт никак не прокомментировал мой наряд, но вид у него был явно недовольный. Когда подали рыбу, он сказал:

— Я отправил письмо лондонской швее, чтобы она снабдила тебя приличной одеждой.

Я кивнула. Новые платья мне бы не мешали, а если они окажутся неудобными, всегда можно переодеться в рубашку и бриджи. Пока брат не смотрит.

— В Кайнфорде есть швея, — заметила я.

— Да, мне это известно. Однако лондонской швее виднее, что потребуется юной леди в пансионе.

О чем это он?

— Я не поеду в пансион, — терпеливо сказала я.

— Конечно поедешь, Энола, — так же терпеливо ответил Майкрофт. — Я уже написал в несколько достойных учебных заведений.

Мать мне рассказывала о подобных заведениях. В выпусках журнала «Удобное платье», который она выписывала, регулярно публиковали тревожные статьи о том, как в пансионатах насаждают фигуру «песочные часы». В одной школе директриса то и дело затягивала потуже корсеты своим подопечным, и бедняжки не снимали их даже на ночь, только раз в неделю, чтобы помыться — это у них называлось «очиститься». После ванны на учениц надевали свежие корсеты и затягивали их еще туже прежнего, так что девушки не могли дышать полной грудью и от любого потрясения падали в обморок. Это считалось «очаровательным».

А также нравственным, поскольку вечно затянутый корсет якобы «учил юных леди самоконтролю и сдержанности», другими словами — не позволял ни согнуться, ни расслабить плечи. В отличие от старых маминых корсетов из китового уса, современные делались из крепкой стали и были заметно длиннее. Они давили на внутренние органы и деформировали грудную клетку. У одной ученицы сжатые корсетом ребра проткнули легкие, и она скончалась на месте. Когда девушку положили в гроб, талия у нее оказалась всего пятнадцать дюймов в обхвате.

Вспоминая эти кошмарные истории, я нечаянно выронила вилку, и она со звоном упала на блюдо. По спине пробежал неприятный холодок, но я не могла объяснить брату, почему не хочу в пансион. С ним не положено было обсуждать столь деликатные женские моменты. Мне хватило сил лишь на то, чтобы тихо вымолвить:

— Но мама...

— Маловероятно, что она вернется.
А я не могу остаться.

«К счастью», — подумала я.

— Ведь не можешь же ты прозябать здесь в одиночестве, Энола? — спросил Майкрофт.

— Вы хотите прогнать мистера и миссис Лэйн?

Майкрофт нахмурился и отложил нож для масла, которым смазывал ломоть хлеба.

— Вовсе нет, однако слуги не способны правильно воспитать леди и не могут присматривать за ней как положено.

— Маме бы это не понравилось.

— Твоя мать сбежала от ответственности, — отрезал Майкрофт. — Что же с тобой станется, если ты не получишь образования и благородного воспитания, не научишься хорошим манерам? Путь в высшее общество будет закрыт, а найти достойную партию...

— ...я и так вряд ли смогу, — закончила я за брата. — Потому что и лицом, и фигурой похожа на Шерлока.

Майкрофт смягчился:

— Милая моя девочка, если ты будешь над собой работать, со временем это изменится.

То есть часами сидеть за пианино с книжкой на голове? Проводить дни в мучениях, затянутой в тесный корсет, подкладывать под юбки подушечки, заплетать накладные косы? Об этом он вслух говорить не стал.

— Ты производишь из знатной семьи, Энола. С должным старанием ты станешь настоящей леди и не опозоришь наш род.

— Но меня всегда стыдились, и это вряд ли изменится. И в так называемое «благородное заведение» я поступать не собираюсь.

— Отнюдь, — возразил Майкрофт.

Мы отложили столовые приборы и впились друг в друга глазами, насколько это было возможно в полумраке комнаты, освещенной лишь несколькими свечами. Мы оба прекрасно знали, что мистер и миссис Лэйн подслушивают под дверью, но сейчас меня это ни капли не беспокоило.

— Нет. — Я повысила голос. — На гувернантку я еще согласна, но ни в какой пансион уезжать и не подумаю. Вы меня не заставляйте.

— Заставлю, и имею на это полное право, — спокойно ответил Майкрофт.

— В смысле? Доставите меня в школу в кандалах?

Майкрофт закатил глаза.

— Вся в мать, — заявил он, обращаясь к потолку, а затем посмотрел на меня так мученически, так, что я застыла на месте. Удивительно ласковым тоном он произнес: — Энола, по закону я располагаю полной властью и над тобой, и над твоей матерью. И имею право посадить тебя под домашний арест, пока ты не одумаешься, или принять иные меры для достижения нужного мне результата. Более того, я несу за тебя ответственность как старший брат, а ты слишком долго находилась здесь без надзора, и это видно невооруженным глазом. Вероятно, я прибыл как раз вовремя, чтобы не позволить тебе загубить свою жизнь. И ты будешь меня слушаться.

И я наконец поняла, как чувствовала себя мама после папиной смерти, почему она не навещала моих братьев в Лондоне, не приглашала их к нам в Фернделл-парк.

Зачем вытягивала деньги из Майкрофта.

НЭКСИ СПРИНГЕР

Я встала из-за стола:

— Знаете, внезапно пропал аппетит.

Прошу меня извинить.

Хотелось бы сказать, что из комнаты я вышла с холодным достоинством, но на самом деле я споткнулась о подол юбки и чуть не упала.

Глава шестая

Ночью я никак не могла уснуть. Даже ложиться мне не хотелось. В ночной сорочке я мерила шагами спальню — в моем представлении точно так же бродил по клетке лев в лондонском зоопарке. Наконец я при- тушила свет керосиновой лампы, задула свечи и легла в кровать, но глаза не желали закрываться. Слышно было, как Майкрофт заходит в гостевую спальню, как поднимаются на верхний этаж мистер и миссис Лэйн — там располагались их комнаты. Время шло, а я все лежала и смотрела в потолок.

Причина моих переживаний, однако, была не так очевидна, как могло пока-

заться. Да, меня разозлил Майкрофт, но больше всего я расстраивалась из-за мыслей о матери: от них чуть ли не кружилась голова. Как-то странно размышлять о ней как о личности, а не просто как о маме. Человеком она была и сильным и слабым одновременно. Тоже чувствовала себя ущемленной, как и я. Так же остро понимала, насколько несправедливо к ней относятся. Как и я, вынуждена была подчиняться. Ей тоже хотелось вырваться из клетки, взбунтоваться — но я не знала, удастся ли мне повторить ее подвиг.

У нее все получилось. Она дала им достойный отпор.

Однако почему мать не забрала меня с собой?

Я отбросила одеяло и спрыгнула с постели, подняла фитиль керосиновой лампы и подошла к письменному столу. Сейчас даже очаровательный узор из букетиков по краям стола не мог поднять мне настроение. Я достала из своего набора для рисования карандаш и бумагу и нарисовала грубую карикатуру на мать: с морщинами и обвислыми щеками, вытянутыми в тугую линию

губами, в шляпе, которая еще называлась «трехэтажным домиком с подвалом», и коротком жакете, с черным зонтом, выставленным вперед подобно мечу, и дурацкой, пышной юбкой с длинным подолом, волочившимся по земле.

Почему она ничего мне не рассказала?! Почему бросила меня одну?!

Что ж, конечно, ей не хотелось доверять важную тайну маленькой девочке, как ни обидно это признавать... Но она могла хотя бы оставить мне прощальное письмо, записку с объяснениями?

И почему, ну почему мать сбежала именно в мой день рождения?! Наверняка у нее была на то веская причина. Мама ничего не делала просто так. Но какая?

Ну конечно...

Я резко выпрямилась и разинула рот.

Все ясно!

Так вот что ею двигало.

Разумно. Мама хитрая.

Очень-очень хитрая.

Она все-таки оставила мне послание.

В подарке.

На день рождения. Вот почему она ушла именно тогда. Чтобы незаметно, под видом подарка...

Я вскочила со стула. Куда же я ее положила? Пришлось взять в руку свечу и осмотреться. На полке с книгами ее не было. Как и на столе, комоде, раковине, кровати. Ни на игрушечном Ноевом ковчеге, ни на деревянной лошадке она не лежала. Словно в дурмане я ломала свою глупую голову над тем, где же... Нашла! В кукольном домике, с которым я уже давно не играла, валялась тонкая брошюрка — написанная, сшитая и выкрашенная вручную.

Сборник шифров, который мама передала мне через миссис Лэйн.

Я схватила его и открыла на первой странице. Маминым небрежным почерком там было выведено:

**АЛО НЭИ ЩИВ ХИО МХА
МЕТ НАЗ ИРХ**

От одного взгляда на шифр мне захотелось плакать, и я зажмурилась.

Ну же, Энола, пораскинь мозгами.

В голове снова раздался голос матери: «Ты и одна прекрасно справишься, Энола».

Я открыла глаза и уставилась на бессмысленную на первый взгляд цепочку символов. И глубоко задумалась.

Что ж. Для начала следует отметить, что предложение не может состоять из слов по три буквы каждое.

Я взяла чистый лист бумаги, придвинула керосиновую лампу к себе поближе, с другой стороны поставила свечу и переписала все слитно:

**АЛОНЭИЩИВХИОМХАМЕТ-
НАЗИРХ**

В глаза бросились первые пять букв — «**АЛОНЭ**».

Наоборот они читались как «**ЭНОЛА**».

Попробуем перевернуть шифр задом наперед.

**ХРИЗАНТЕМАХМОИХВИ-
ЩИЭНОЛА**

Я зацепилась за слово «моих». Мама написала о себе?

МОИХ В ИЩИ ЭНОЛА

Что-то не так с порядком слов.

ЭНОЛА ИЩИ В МОИХ

Ну конечно! **ХРИЗАНТЕМАХ.** «Энола, ищи в моих хризантемах»! Как же я сразу не догадалась по цветам, нарисованным на странице! Золотистым и красновато-коричневым.

Я разгадала шифр.

Не такая уж я и глупая.

Или все же глупая, поскольку не понимаю, что мама хотела этим сказать? «Ищи в моих хризантемах»? Неужели она что-то закопала в клумбе? Нет, вряд ли. Мама, наверное, в жизни лопаты в руках не держала. За растениями ухаживал Дик, а ей возиться в саду не нравилось; она считала, что выносливые цветы — вроде хризантем — и без нее не завянут.

Хризантемы в саду. Какие из них можно назвать мамиными?

Напольные часы на первом этаже пробили два ночи. Обычно я в это время видела десятый сон и вот впервые засиделась допоздна. Голова у меня кружилась, мысли разбегались.

Я устала и уже не была так взбудоражена, как немногим ранее, и вполне могла бы уснуть. Вот только мне не хотелось ложиться в постель.

Минутку. Мама подарила мне еще одну книжку — **«ТАЙНЫЙ ЯЗЫК ЦВЕТОВ»**. Я пробежалась по алфавитному указателю и открыла страницу со значением хризантем.

«Хризантемы говорят о родственных чувствах и намекают на расположение».

Намек на расположение — лучше, чем ничего.

Я на всякий случай проверила значение душистого горошка.

«Прощание и благодарность за приятно проведенное время. Душистый горошек дарят перед разлукой».

Разлукой.

Я долистала до чертополоха.

«Вызов».

Я мрачно улыбнулась.

Все-таки мама оставила мне послание. Разлука и вызов в японской вазе. В светлой гостиной, украшенной сотнями акварелей...

Акварельных цветов!

Я расплылась в улыбке и прошептала себе под нос:

— Вот оно что, Энола!

* * *

В «моих» хризантемах могло означать только одно: «в тех, которые я нарисовала».

Поместила в рамку и повесила на стену в своей гостиной.

Сомнений нет.

Очевидно, что моя догадка верна, и хотя я не представляю, что можно найти «в» картине, было бы глупо не спуститься и не проверить. Немедленно. Под покровом ночи. Чтобы никто, особенно Майкрофт, об этом не узнал.

Девочкам полагается играть в куклы, и заботливые взрослые не раз дарили мне

их. Лично я терпеть не могла кукол и при первой же возможности отрывала им головы, но кое в чем они оказались полезны.

Я достала ключ из полого черепа куклы с пшеничными волосами, который использовала как тайник. Затем я опустила фитиль керосиновой лампы, захватила с собой свечу и осторожно приоткрыла дверь спальни, стараясь не произвести ни звука.

Комнаты матери располагались в другом конце коридора, прямо напротив гостевых.

А там спал Майкрофт.

То есть я надеялась, что он спал.

И крепко.

Я встала на цыпочки и босиком вышла из комнаты.

Когда я проходила мимо закрытой двери спальни Майкрофта, до меня донесся гулкий звук, похожий на хрюканье довольного кабана, который разлегся на солнышке.

Мой брат храпел.

А значит, и правда крепко спал.

Прекрасно.

Я медленно вставила ключ в замочную скважину и так же медленно его повернула, но все равно раздался тихий щелчок. А когда я открыла дверь, заскрипели петли.

Храп Майкрофта прервался, и он громко захрахтел.

Я обернулась и застыла на месте.

Послышался шорох, заскрипела кровать — видимо, Майкрофт переворачивался на другой бок. Храп возобновился.

Я проскользнула в мамины комнаты, затворила за собой дверь и вздохнула с облегчением.

Переведя дыхание, я поднесла свечу к стене.

Каких цветов только не было на картинах!

Я внимательно изучила акварели на всех четырех стенах. Слабый огонек свечи не облегчал мне задачу, и я щурилась до рези в глазах. Наконец из сумрака выступило изображение золотистых и красновато-коричневых хризантем, прямо как в брошюре с шифрами.

Даже стоя на цыпочках, я дотягивалась только до края рамки — хрупкой, как будто сделанной из бамбуковых стеблей, подобно всей мебели в маминой гостиной. Концы стеблей пересекались и торчали в стороны. Я осторожно сняла рисунок с гвоздя, отнесла его на кофейный столик и поставила рядом свечу.

«Энола, ищи в моих хризантемах».

Я не раз видела, как мама вставляла картину в рамку. Сначала она укладывала рамку на стол лицевой стороной вниз. Накрывала чистым стеклом. Затем шла эдакая внутренняя рамка из плотной, слегка подцвеченной бумаги. К ней мама приклеивала верхний край рисунка. А к оборотной стороне рисунка — тонкий деревянный задник, покрашенный в белый. По краям рамки привинчивались шурупы, чтобы конструкция не развалилась. Наконец мама накрывала все это листом картона, чтобы спрятать шурупы и защитить картину от пыли.

Я перевернула хризантемы и посмотрела на картон.

Глубоко вдохнув, подцепила край ногтем, надеясь снять весь лист одним движением, но в результате оторвала только длинную коричневую полоску. Но это ерунда. Главное, что между картоном и деревянным задником я кое-что заметила. Сложенное в несколько раз. Белое.

Записка от мамы!

Письмо, в котором она все мне объяснит, выразит сожаление и любовь, возможно, пригласит к ней присоединиться...

Сердце у меня стучало как сумасшедшее. «Пожалуйста, только бы я угадала!» — бормотала я про себя, дрожащими пальцами вытаскивая бумажку из-под картона.

Выудив хрустящий листок на свет, я поспешно его развернула.

Да, это было послание от мамы. Но не то, на которое я надеялась.

Она оставила мне сто фунтов одной банкнотой.

Большинство семей из простого народа и в год столько не получают.

Но не этого я от нее ждала.

* * *

Признаюсь честно: я плакала, лежа в постели, пока не уснула. Но сон был глубоким, и никто его не тревожил. Только утром миссис Лэйн зашла ко мне и спросила, не заболела ли я.

— Нет, — ответила я, — просто устала.

Она вышла в коридор и прошептала кому-то — вероятно, своему супругу:

— Она совсем разбита, бедняжка. И не удивительно!

Я снова задремала и проснулась около полудня, но вставать не спешила, несмотря на то, что готова была съесть первый и второй завтрак в один присест. Еще какое-то время я валялась на кровати, обдумывая события прошедшей ночи на свежую голову.

Что ж. Ожидала я другого, но деньги — это тоже неплохо.

Мама тайком передала мне крупную сумму.

Полученную, несомненно, от Майкрофта. Обманным путем.

Правильно ли я поступаю, забирая себе банкноту?

Не то чтобы Майкрофт заработал эти деньги. Судя по всему, он получил их в наследство по праву старшинства.

Это было состояние нашего отца, сквайра. Доходы от аренды. Оно копилось веками и пополнялось каждый год. А все благодаря Фернделл-холлу, нашему поместью.

Деньги и в самом деле в каком-то смысле прилагались к дому, как и люстры.

К маминому дому.

Правда, по закону он не принадлежал ни маме, ни мне. Но если рассуждать по-человечески... Мама не раз мне объясняла, как несправедливы эти правила. Представьте себе, если жена напишет и опубликует книгу, весь ее гонорар получит муж! Ну разве это не возмутительно?!

Так что же тогда возмутительного в том, чтобы забрать сто фунтов, которые Майкрофт получил лишь потому, что родился раньше нас с Шерлоком?

«Плевала я на законы», — ядовито проговорила я про себя. Деньги, в сущности, мои. Мама кровью и потом выбила их из поместья. И отдала мне.

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

Сколько еще банкнот она спрятала?
Шифров в брошюрке много.

И что мне делать с этим богатством?

Нет, на этот вопрос у меня уже есть ответ.
Мама сама подала мне пример.

Глава седьмая

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ НЕДЕЛЬ Я БЫЛА ГОТОВА.

По мнению окружающих — к отъезду в пансион.

На самом деле — к совершенно иному путешествию.

Что касается пансиона: из Лондона приехала швея и поселилась в пустой комнате, которую ранее занимала камеристка; она тяжело вздохнула при виде ножной швейной машинки, древней и пыльной, и принялась снимать с меня мерки. Талия: двадцать дюймов. Ай-яй-яй. Слишком широкая. Грудь: двадцать один дюйм. Ай-яй-яй. Слишком плоская. Бедра: двадцать два дюйма. Ай-яй-яй. Неприлично узкие. «К счастью», это все

поправимо. Швея нашла объявление в модном журнале, таком, который моя мать не позволила бы даже внести на территорию поместья:

«СЫЛУЭН»: Корсет, который лучше всего подчеркивает стройную фигуру. Его очарование не описать словами, и этого идеала не достичь ни одному корсету мира. Мягкая подкладка и другие приятные дополнения обеспечат легкость и комфорт. Его можно затягивать настолько туго, насколько вам удобно, чтобы добиться изящных форм и красивых пропорций. Корсет будет отправлен на примерку обычной посылкой, оплата по получении денежным переводом. Гарантия качества. Не понравится — мы вернем вам деньги. Остерегайтесь подделок.

Корсет немедленно заказали, и швея принялась за работу над строгими темными платьями с высокими воротниками со вставками из китового уса, в которых мне было трудно дышать, с узкими пояса-

ми, которые сдавливали живот, и юбками, наброшенными чуть ли не на полдюжину шелковых нижних юбок и волочившимися по полу так, что ходить в них было практически невозможно. Швея предложила сшить два платья с обхватом талии в девятнадцать с половиной дюймов, два — в девятнадцать, два — в восемнадцать и так далее — в надежде, что со временем она у меня сузится.

В лаконичных телеграммах от Шерлока не содержалось никаких новостей о матери. Он опросил ее старых друзей, художников, суфражисток, даже побывал во Франции у ее дальних родственников, семьи Верне, но все тщетно. Я снова начала переживать за маму: почему величайший детектив Англии не может ее найти? Неужели с ней произошло несчастье? Или она стала жертвой преступления?

Однако в тот день, когда швея закончила работу над первым платьем, я отбросила эти мысли.

«Силуэт» вместе с подкладками уже доставили, как и обещали, в неприметном коричневом свертке, и мне полагалось на-

деть это чудовище, в котором невозможно сесть на стул по-человечески. Волосы же следовало украсить шиньонами и кудрями, ниспадающими на лоб, и закрепить все это безобразие заколками, которые больно впивались в кожу. Только тогда меня одели в новое платье и тесные туфли, и я прошла по коридору, стараясь изобразить походку достойной юной леди.

Так вот, именно в тот день интуиция подсказала мне, куда сбежала мать, и вскоре я полностью в этом уверилась: она пряталась там, где нет ни заколок для волос, ни корсетов (каких бы то ни было), ни турнюров.

Через несколько дней пришла телеграмма от Майкрофта. Он договорился о моем поступлении в такую-то частную школу (дом ужасов) такого-то числа и попросил Лэйна проследить за тем, чтобы я туда доехала.

* * *

Из других новостей, касающихся моих собственных забот: большую часть времени я проводила в нижней сорочке, сидя в своей спальне и делая вид, будто у меня

нервное истощение. Миссис Лэйн то и дело предлагала мне студень из телячьих ножек и тому подобные лекарства (неудивительно, что больные у нас в стране так быстро угасают!) и в конце концов даже связалась с Майкрофтом, но тот убедил ее, что в пансионе, где на завтрак подают овсянку и заставляют носить шерстяные панталоны, я быстро пойду на поправку. Тем не менее кухарка вызвала на дом местного аптекаря и лондонского врача с Харли-стрит, но оба заявили, что со мной все в порядке.

В диагнозе они не ошиблись. Мне просто не хотелось надевать корсет, заколки, тесные туфли и так далее, а еще я днем отсыпалась. Никто ведь не знал, что по ночам, когда все поместье засыпает, я выскальзываю из постели и корплю над шифрами из маминой брошюры. Все-таки я их любила, потому что меня увлекали поиски, а тут надо было и разгадать загадку, то есть отыскать правильный ответ, и найти спрятанное сокровище. Каждый распутанный клубок символов указывал на определенное место в маминых комнатах, где скрывались

очередные купюры. Некоторые шифры мне разгадать не удалось, и я так из-за этого расстраивалась, что даже подумывала над тем, чтобы проверить все акварели — но это было бы нечестно и неинтересно. Тем более что картин мама нарисовала много, а тайники находились и в других местах.

Например, на одной из страниц в брошюрке были нарисованы красивые ветви плюща на деревянной ограде. Я сразу побежала в мамину комнату искать похожую картину — и нашла две. Сорвала с них картон — и ничего под ним не обнаружила. Поникнув, я вернулась к себе в спальню и прочла шифр:

**ЛНИИЕИШДААЙОИАОК
АОЭЩВКНАЛБНЕМТВР**

Что бы это значило? Я нашла плющ в «Тайном языке цветов». Его значением оказалась «преданность». Мило, но мне это никак не помогло. Я долго вглядывалась в шифр, пока не разобрала свое имя в первых двух буквах верхней строки и в трех —

нижней. Тут я заметила, что лиана на мамином рисунке неестественно изгибается зигзагом. Я закатила глаза и прочла шифр, перескакивая с одной строки на другую и обратно:

**КРОВАТИ МОЕЙ НАБАЛ-
ДАШНИКЕ В ИЩИ ЭНОЛА**

**КРОВАТИ МОЕЙ НАБАЛ-
ДАШНИКЕ В ИЩИ ЭНОЛА**

Затем я переписала слова в обратном порядке:

ЭНОЛА ИЩИ В НАБАЛДАШНИКЕ МОЕЙ КРОВАТИ

Я послушно прокралась в мамину спальню и открутила все четыре набалдашника. Кто бы мог подумать, что в них помещается столько банкнот!

Мне, в свою очередь, пришлось выдумать заковыристые тайники в собственной комнате, чтобы миссис Лэйн случайно их не на-

шла во время уборки. Деньги из набалдашников кровати я спрятала в медные шарiki, которые навинчивались на края карниза для штор.

И все это требовалось проверить до того, как чета Лэйн встанет на рассвете.

В общем, последнее время я бодрствовала по ночам и наслаждалась «охотой за сокровищами».

Но самое ценное сокровище, записку от мамы с прощальными или хотя бы только нежными словами, не нашла. Впрочем, в объяснениях я больше не нуждалась. Она водила Майкрофта за нос отчасти и ради меня. С этими деньгами мама хотела даровать мне свободу.

Благодаря ей я пребывала в удивительно приподнятом, хоть и волнующем настроении, когда солнечным августовским утром села в экипаж, который должен был унести меня далеко-далеко от родного дома.

* * *

Мистер Лэйн одолжил у местного фермера кобылу и некое хитроумное изобретение, этакую помесь телеги и двуколки с припод-

нятым сиденьем для кучера и одного пассажира. В общем, транспорт мне предоставили хоть и не роскошный, но комфортный.

— Надеюсь, обойдется без дождя, — причитала миссис Лэйн — она вышла со мной попрощаться.

Дождя не было уже несколько недель. Последний раз он прошел в тот день, когда я бегала по землям поместья в поисках матери.

— Скорее всего, — сказал Лэйн и протянул мне руку, помогая взобраться на козлы как настоящей леди, а затем подал мой белый зонтик с рюшами. — В небе ни облачка.

Я улыбнулась чете Лэйнов и села рядом с Диком — он исполнял обязанности кучера, — опустив на сиденье сначала турнюр и только потом саму себя. Миссис Лэйн зачесала мне назад волосы, и они торчали пышной копной подобно моей юбке — так сейчас было модно. Правда, шляпа из-за этого съезжала мне на глаза и сильно походила на соломенное блюдо, украшенное лентами. Серо-коричневый костюм я выбрала за его отвратительный, но при этом неприметный цвет, талию в девятнадцать с половиной

дюймов, юбку с турнюрор и удобный жакет. Пуговицы на юбке я застегнула не до конца, чтобы можно было самой ослабить шнурки корсета так, что он почти меня не сдавливал. Я могла дышать полной грудью.

А мне это скоро понадобится.

— Теперь вы леди с головы до пят, мисс Энола, — заключил Лэйн, отходя назад. — Уверен, ваши братья будут вами гордиться.

Если бы он знал!..

— Мы будем скучать, — прошептала миссис Лэйн, и сердце у меня защемило, когда я увидела, как плачет эта милая старушка.

— Благодарю, — сухо ответила я, стараясь не выдавать своих эмоций. — Дик, трогай.

Пока мы ехали по дорожке от дома к воротам, я упорно изучала уши кобылы. Майкрофт нанял работников, чтобы те «привели поместье в порядок», и мои любимые кусты шиповника выдрали с корнем. Мне не хотелось смотреть на искалеченный сад.

— До свидания, мисс Энола, и удачи, — сказал сторож, открывая нам ворота.

— Благодарю, Купер.

Когда мы проезжали через Кайнфорд, я вздохнула и бросила прощальный взгляд на лавки мясника и зеленщика, побеленные домики с соломенными кровлями и черными балками на фасадах, паб, здание почты и телеграфа, полицейский участок, коттеджи эпохи Тюдоров с миниатюрными окошками, которые словно щурились под тяжелой челкой крыши, таверну, кузницу, дом священника, гранитную церквушку с покрытым мхом шифером, покосившиеся надгробия на кладбище...

Я немного подождала и сказала как бы невзначай, словно эта мысль только что пришла мне в голову:

— Дик, подожди. Я хочу попрощаться с отцом.

Он остановил лошадь:

— Простите, мисс Энола, что вы сказали?

С Диком приходилось объясняться простыми, но подробными предложениями.

— Я желаю посетить могилу отца, — медленно проговорила я. — И помолиться за него в церкви.

Бедный папа, наверное, перевернулся в гробу. Он был логиком и атеистом, и однажды мама мне сказала, что он предпочел бы, чтобы его кремировали, а не похоронили, но в Кайнфорде испугались скандала и не уважили его просьбу.

Дик встревоженно нахмурился:

— Я обещал доставить вас на вокзал, мисс.

— Времени еще много. Почему бы тебе не пропустить пинту-другую в пабе, пока ты меня ждешь?

— О! Хорошо, мисс.

Он развернул лошадь и подъехал ко входу в церквушку. Какое-то время мы оба сидели неподвижно, пока он не вспомнил о правилах этикета и не спрыгнул с козел, чтобы подать мне свой грязный кулак и помочь спуститься.

— Спасибо, — сказала я, отнимая облаченную в перчатку руку. — Возвращайся минут через десять.

Я знала, что это невозможно: он проведет там не менее получаса.

— Да, мисс, — сказал Дик и приподнял кепку.

Экипаж отъехал, и я поспешила в церковь, стараясь не запутаться в шуршащих юбках.

Как я и рассчитывала, внутри не было ни души. Я оглядела пустые скамьи, улыбнулась про себя, отбросила зонтик в коробку подаяний для бедных, приподняла юбки до колен и выбежала в заднюю дверь.

На залитое солнцем кладбище.

Я неслась по извилистой тропинке мимо покосившихся надгробий, а здание церкви загораживало меня от любопытных взглядов случайных прохожих. Я скорее перепрыгнула, чем перелезла, через изгородь на краю церковного участка, пробежала еще несколько футов и... Да, он был там! Мой велосипед, спрятанный в изгороди. Я оставила его здесь вчера ночью. После полуночи, когда над кладбищем сияла почти полная луна.

Спереди я привязала к велосипеду корзину, а сзади коробку, и набила их сэндвичами, маринованными овощами, вареными яйцами и бинтами (на всякий случай), положила флягу с водой, инструменты для

ремонта шин, бриджи, удобные черные сапожки, зубную щетку и тому подобное.

Под своей пышной юбкой я тоже кое-что спрятала. Своими руками я сшила подкладку для груди из материалов, которые нашла в мамином шкафу, и подложила ее под платье. А сзади спрятала турнюр.

Почему мама ушла в костюме, который предполагал наличие турнюра, но саму подкладку из конского волоса оставила дома?

Очевидно, чтобы спрятать под юбкой вещи, необходимые для побега.

К счастью, бюст у меня был плоским, и я, отталкиваясь от маминого примера, решила сделать второй тайник на груди. На самом деле все мои подкладки, улучшители и корсеты остались в Фернделл-холле. Я затолкала их в дымоход и заменила полыми фальшивками, в которые сложила завернутые в нижнее белье купюры. Кроме того, под пышным шлейфом моей юбки скрывалось запасное платье, а в карманах жакета лежали платок, мыло, расческа и щетка для волос, драгоценная брошюрка с шифрами, нюхательная соль, злаковые батончики... Что тут сказать — я захватила с собой все

необходимое, и мне даже не потребовался чемодан.

Я запрыгнула на велосипед, целомудренно прикрыла юбками лодыжки и принялась крутить педали.

Хорошему велосипедисту не нужна дорога. Пока я буду ехать по тропинкам на фермерских участках и пастбищам. Последние дни было сухо, земля стала твердой как железо, поэтому на ней не останется следов.

А с завтрашнего дня, судя по всему, великий детектив Шерлок Холмс будет искать не только пропавшую мать, но и сестру.

Он наверняка посчитает, что я захочу сбежать от него как можно дальше. Поэтому я направлюсь прямо к нему.

Он живет в Лондоне. Как и Майкрофт. Это самый крупный и опасный город в мире. У них даже мысли не возникнет, что я могу там оказаться.

Поэтому я поеду именно туда.

Они подумают, что я переоденусь мальчишкой. О моих бриджах и Шерлок, и Майкрофт наверняка слышали, и в книгах, в том числе и у Шекспира, беглянки часто притворяются юношами.

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

Поэтому я поступлю иначе.

Я надену самую неожиданную маску, и братья не узнают во мне ту простушку в коротком платье, которую, увидев в свой приезд на вокзале, приняли за простолюдинку.

Я замаскируюсь под взрослую даму. И отправлюсь на поиски матери.

Глава восьмая

Я могла бы поехать в Лондон по главной дороге, но это был не лучший вариант. Слишком много лишних свидетелей. Нет, я решила поступить неожиданно и нелогично — ничего не планировать. Мои братья ни за что не угадают, куда я поехала, если я сама не буду этого знать.

Разумеется, они выдвинут разные предположения вроде: «Мать возила ее в Бат, возможно, туда она и направилась» или «У нее в комнате лежит книга про Уэльс, и на карте сделаны пометки карандашом — скорее всего, она там». Я очень надеялась, что братья найдут книгу. Я специально подложила ее в кукольный домик в каче-

стве подставной улики. Я не могла захватить с собой увесистый том про «Тайный язык цветов» и спрятала его в библиотеке на первом этаже среди других толстых книг. Майкрофт с Шерлоком полагаются на дедуктивный метод, а значит, мне остается лишь довериться случаю. Пусть дорога сама ведет меня на восток, а я буду лишь выбирать каменистые тропы, на которых почти не остается следов от колес.

Не важно, где я окажусь вечером этого дня или следующего. Ужинать буду хлебом и сыром, спать на улице, как цыганка, и рано или поздно выйду к железнодорожным путям. Меня устроит любая станция, кроме Чосерли (братья наверняка пойдут туда расспрашивать обо мне), поскольку все железные дороги в Англии ведут в Лондон.

Прощайте, талия в семнадцать дюймов, овсянка на завтрак, шерстяные панталоны, брачные перспективы, заслуги юной леди и так далее!

С этими счастливыми мыслями я пронеслась мимо поля, на котором паслись коровы, выехала на лесную тропинку, а с нее

на пустошь у болот, и вскоре родные места остались далеко позади.

Душа у меня пела, как жаворонки в синем небе.

Если избегать деревень и выбирать тихие дороги, меня почти никто не увидит. Разве что случайный фермер поднимет взгляд от репы и посмотрит на дорогу, но местные уже привыкли к разъезжающим на велосипедах леди — в последнее время их становится все больше. Мне по пути как раз встретилась велосипедистка в бежевом костюме, когда я ехала по гравийной дорожке, и мы приветливо кивнули друг другу. Кожа у нее блестела от жары и усталости. Как говорится, лошади преют, джентльмены потеют, а леди блестят. Наверняка и у меня лицо блестело от пота. Он стекал по шее за корсет, а стальные пластины болезненно врезались в подмышки.

Когда солнце оказалось прямо у меня над головой, я решила, что настало время привала и второго завтрака, тем более что в прошедшую ночь я не сомкнула глаз. Я устроилась под вязом на подушке из мха и подкрепилась. Мне очень хотелось при-

лечь и отдохнуть, но я заставила себя снова забраться на велосипед и продолжила крутить педали, чтобы уехать как можно дальше к тому времени, как за мной начнется погоня.

Только недавно я размышляла о цыганах — и вот после полудня мне попался караван кочевников: выкрашенные в яркие краски округлые фургоны. Благородные семьи в большинстве своем презирали цыган, но мама разрешала им останавливаться на землях поместья, и в детстве я всегда ими восхищалась. Даже сейчас остановилась на минутку, чтобы полюбоваться красочной процессией. Лошади в цветных пополах весело гарцевали и мотали головами, несмотря на жару, и кучерам приходилось их удерживать, а никак не подгонять. Я беспечно помахала цыганам, потому что знала, что уж они ничего не расскажут обо мне полиции. Кучера не обратили на меня внимания, а босоногие цыганки с оголенными шеями и руками помахали в ответ, и неряшливые ребяташки закричали, выпрашивая подачку. Миссис Лэйн считала этот народ бесстыдным, грязным и вороватым, и, вероят-

но, была права. Но если бы у меня в кармане лежало несколько пенни, я бы отдала их не задумываясь.

Еще мне встретился странствующий торговец на проселочной дороге. У него в телеге валялись медная посуда, зонты и корзинки, морские губки, птичьи клетки, стиральные доски и разные финтифлюшки. Я попросила его остановиться и показать мне все товары, от медных чайников до черепаховых расчесок, чтобы сделать вид, будто ничего конкретного не ищу, и в конце концов купила единственный предмет, который был мне действительно нужен: саквояж.

Я повесила его на руль и поехала дальше.

В течение дня мне встречались и другие путники, пешком и на самых разных повозках, от запряженных четверками экипажей до телег, которые тянул осел, но к вечеру все они слились в моей памяти в большое мутное пятно, и на меня начала давить усталость. Когда наступили сумерки, у меня ныло все тело и я чувствовала себя как никогда утомленной. Я шла вверх по невысокому известняковому холму, покрытому

изжеванной овцами травой, толкая перед собой велосипед и опираясь на руль. На верхушке холма стояла буковая рощица. Оказавшись под сенью деревьев, я уронила велосипед на землю и сама упала вслед за ним на прошлогоднюю листву. Еще утром я светилась от счастья, а теперь настроение было препаршивое, и меня глодала неприятная мысль: хватит ли мне сил сесть завтра на велосипед?

Я собиралась спать под открытым небом, но лишь сейчас впервые подумала: как быть, если ночью пойдет дождь?

С каждой секундой мой безупречный план казался все глупее и наивнее.

Через какое-то время, когда совсем стемнело, я уныло поднялась на ноги, сняла шляпу и заколки, подкладки, набитые деньгами, и истязавший меня корсет. Не чувствуя голода от усталости, я легла на землю в одной нижней юбке и заляпанном грязью серо-коричневом костюме и мгновенно уснула.

Однако за последние дни я привыкла бодрствовать по ночам и невольно проснулась после полуночи.

Сна у меня не было ни в одном глазу, зато живот урчал от голода.

Ночь выдалась безлунная. Облака затянули небо, угрожая дождем. А без лунного или хотя бы звездного света я не могла найти еду в коробке, которую привязала к багажнику велосипеда. Спичечный коробок, который по глупости своей я положила туда же, мне тоже было никак не отыскать. Что уж там говорить — в крошечной тьме я и велосипед нащупать не могла.

— Черт! — бесстыдно выругалась я, когда ветви бука оцарапали мне лицо и зацепили край жакета.

Но не прошло и секунды, как я напрочь позабыла о еде. Невдалеке блеснул свет.

Газовые фонари. Они проглядывали за широкими стволами деревьев и мерцали, словно спустившиеся на землю звезды.

Деревня. Я забралась на холм, не отдавая себя отчета в том, что по другую его сторону лежит деревня.

Впрочем, учитывая ее размеры и наличие газовых фонарей, правильнее было бы называть ее городком.

Есть ли там железнодорожная станция?

Во мраке ночи, будто отвечая на мой вопрос, раздался долгий резкий свист поезда.

* * *

Наутро, еще до рассвета, я осторожно вышла из рожи, молясь, чтобы поблизости никого не оказалось. Не то чтобы я боялась, как бы меня не узнали, нет — просто для местных было бы странно увидеть прилично одетую вдову с саквояжем, выходящую из буковых зарослей и без экипажа.

Да-да, вдову. Я с головы до ног оделась в траур, который выкрала из маминого шкафа. Он прибавлял мне лишний десяток лет, поскольку предполагал, что я уже была замужем, и мои удобные черные сапожки неплохо с ним смотрелись — точнее, их даже не было видно за длинной юбкой, — а волосы можно было убирать в скромный пучок, на что уходило не так много времени. Главное — этот костюм позволял мне оставаться инкогнито. Черная вуаль в сеточку на фетровой шляпе скрывала лицо, и в ней я выглядела так, будто собиралась напасть

на пчелиный улей. Черные лайковые перчатки скрывали отсутствие обручального кольца — очень важная деталь. Скучное шелковое платье скрывало все мое тело от подбородка до пят.

Десять лет назад мама была заметно стройнее, и траурное платье отлично на меня село, и корсет почти не пришлось затягивать. Я могла бы вовсе без него обойтись, если бы не необходимость поддерживать багаж на груди и под юбкой. То, что раньше лежало на велосипеде, я убрала в саквояж и рассовала по карманам. Матери не нравилось возиться с ридикулем, и все свои платья она снабдила просторными карманами — под носовые платки, лимонные леденцы, шиллинги, пенсы и тому подобное. Сейчас я была очень за это благодарна своей упрямой независимой матери; к тому же именно она научила меня ездить на велосипеде. Конечно, обидно оставлять верный велосипед, а вот уродливый серо-коричневый костюм мне было совсем не жалко.

Пока я спускалась с холма на тропинку, серое небо постепенно светлело. Мышцы

болели после вчерашней поездки, но для меня это оказалось настоящим благословением: я шагала медленно и степенно, как и подобает достойной вдове. Так я вышла с тропинки на гравийную дорогу, ведущую в городок.

В небе, затянутом дождевыми тучами, забрезжил тусклый рассвет. Лавочники открывали ставни, ледовоз забрасывал в повозку кубы льда, цепляя их изогнутыми щипцами, сонная служанка выливали некую омерзительную массу из ведра в сточную канаву, нищенка в обносках подметала дорогу на перекрестке. Мальчишки-газетчики устраивали на обочинах стопки утренних газет. Продавец спичек — по сути попрошайка — сидел на углу и кричал: «Да будет свет! Спичку джентльмену?» Мимо него и впрямь проходили джентльмены в цилиндрах и рабочие во фланелевых рубашках и кепках, но попрошайка называл джентльменами всех, даже таких же оборванцев, как он сам. Мне он, разумеется, не попытался продать спичку, поскольку леди не курят.

Золотые буквы на стеклянной двери у столба в красно-белую полосу гласили: «Цирюльня Бельвидера». А, я слышала про такой городок — довольно далеко от Кайнфорда, что играло мне на руку. Я огляделась и нашла взглядом представительное каменное здание с надписью «Сберегательный банк Бельвидера» над дверным проемом. Отлично, я своего добилась. «Неплохо сработано, — подумала я, перешагивая через лошадиный навоз, — для девочки, неспособной переварить сразу много информации».

— Лук, картошка, пастернак! — кричал продавец овощей, толкая перед собой тачку.

— Свежая гвоздика для бутоньерки! — вторила ему дама в шали, протягивая проходящим мимо джентльменам цветы из корзинки.

— Кошмарное похищение! Читайте в свежем номере! — голосил мальчишка-газетчик.

Похищение?

— Виконт Тьюксбери пропал из Бэйзилвезер-холла!

Мне сразу захотелось прочесть свежий номер, но сначала следовало отыскать вокзал.

Поэтому я увязалась за джентльменом в цилиндре, опрятном костюме и лайковых перчатках, который поправлял свежий бутон гвоздики в петлице. Судя по его строгому внешнему виду, он собирался в город по делам.

Мои предположения подтвердились, когда мы с джентльменом подошли к станции. Рев двигателя сотряс тротуар под ногами, и я увидела остроконечную крышу и башенки здания вокзала. Часы на башне показывали половину восьмого. Тут же раздался резкий скрип и лязг тормозов: поезд подъехал к станции.

Я так и не узнала, куда собирался джентльмен, неосознанно проводивший меня до станции, — в Лондон или какой другой город, поскольку на платформе мое внимание поглотили разворачивающиеся там события.

Я очутилась в толпе зевак. Констебли стояли стеной, загораживая им проход, а их коллеги в синих униформах встречали

только что прибывший поезд, состоящий всего из одного вагона с крупной надписью «ПОЛИЦЕЙСКИЙ ЭКСПРЕСС». Вскоре оттуда вышли господа в дорожных плащах, которые эффектно волочились за ними по земле, и тряпичных кепках с уморительными завязками на макушке, похожими на заячьи уши. Я проводила их взглядом и стала продираться сквозь толпу к билетной кассе.

Казалось, будто я ступила в ручей в самый разгар лета: вокруг меня журчали голоса кипящих от любопытства зевак:

— Конечно, это детективы из Скотленд-Ярда, только в штатском.

— Говорят, послали и за Шерлоком Холмсом...

Боже мой. Я затаила дыхание и прислушалась.

— ...но он не приедет — семейные обстоятельства...

Сплетник прошел мимо, и про Шерлока я больше ничего не услышала, зато до меня долетели обрывки других разговоров:

— Моя двоюродная сестра — вторая помощница горничной в знатном доме...

— Поговаривают, будто герцогиня лишилась рассудка...

— ...и она сказала, что...

— ...а на герцога пора надевать смиренную рубашку.

— Старик Пикеринг из банка мне нашептал, что выкупа пока не требовали.

— Зачем же его украли, если не ради выкупа?

Хм-м. Похоже, «кошмарное похищение» произошло где-то поблизости. И правда, когда полицейские сели в очаровательное ландо, кучер повез их к цветущему парку неподалеку от станции. А за деревьями возвышались серые готические башни Бэйзилвезер-холла — очевидно, это был именно он, судя по тому, что я слышала в толпе.

Любопытно.

Однако первым делом я должна приобрести билет...

Впрочем, судя по расписанию на стене, поездов в Лондон ходит хоть отбавляй. Каждый час, до позднего вечера.

— Пропал сын герцога! Читайте в свежем номере! — кричал газетчик, стоявший под расписанием.

НЭНСИ СПРИНГЕР

Я не верила в судьбу, но все же задумалась над тем, как так вышло, что на сцене преступления оказалась именно я, а не мой брат, великий детектив. Мысли спутались, и соблазн оказался невыносимым. Вместо того чтобы продираться дальше к окошечку кассы, я купила газету.

Глава девятая

Я заняла место в углу в кофейне за станцией, села лицом к стене и сняла вуаль. Во-первых, ради того, чтобы позавтракать чаем и сконами¹, во-вторых — чтобы посмотреть на фотографию виконта Тьюксбери из Бэйзилвезер-холла.

Она занимала чуть ли не половину первой страницы. Это был студийный фото-портрет мальчика, всего в бархате и оборках — господи, надеюсь, его не заставляли каждый день такое носить! — и со светлыми волосами, уложенными мягкими кудрями, ниспадающими на плечи. Очевидно,

¹ Сконы — маленькие сладкие булочки, традиционное блюдо английской кухни.

его мать перечитала этой несчастной книги «Маленький лорд Фаунтлерой»¹, которая стала причиной страданий целого поколения мальчиков из знатных семей.

Маленький лорд Тьюксбери, по всем правилам «моды Фаунтлероя», был одет в кожаные туфли с пряжками, белые колготки, черные бархатные штанишки до колен с атласными бантиками по бокам, черный бархатный пиджак с белыми кружевными манжетами, высоким воротничком и атласным ремнем. Лицо его ровным счетом ничего не выражало, но челюсть была как будто напряжена.

«ЮНЫЙ НАСЛЕДНИК ГЕРЦОГА ТАИНСТВЕННО ИСЧЕЗ» —

кричал заголовок.

Я потянулась за вторым сконом.

«Ранним утром в среду, неподалеку от процветающего города Вельвидера, в Вэйзилвезер-холле, родовом гнезде

¹ Очень популярный роман известной англо-американской писательницы Х. Ф. Бёрнетт.

герцогов Вэйзилвезерских, произошло тревожное событие: младший садовник заметил, что французские двери, ведущие в бильярдную комнату, открыты. Новость быстро разлетелась по дому, и вскоре слуги выяснили, что замок был взломан и на дереве остались следы от острого ножа. Дворецкий, вполне справедливо опасаясь воров, спустился в кладовую и проверил, на месте ли столовое серебро. Как оказалось, из кладовой ничего не пропало. Тарелки и канделябры в столовой остались нетронутыми, как и бесценное содержимое гостиной, галереи, библиотеки и других комнат огромного поместья. Вольше на первом этаже следов взлома не обнаружили. Лишь немногим позже, когда горничные обносили горячей водой для умывания членов семьи, выяснилось, что дверь в спальню виконта Тьюксбери, маркиза Вэйзилвезера, открыта нараспашку. Мебель, немая свидетельница отчаянной борьбы, была разбросана по комнате, а достойный наследник таинственно исчез. Виконту, будущему лорду Вэйзилвезеру, единственному сыну герцога, всего двенадцать лет...»

— Двенадцать?! — изумленно воскликнула я.

— В чем дело, мадам? — спросила хозяйка кофейни, встав у меня за спиной.

— А, ничего, — ответила я, поспешно откладывая газету и опуская на лицо вуаль. — Мне казалось, он моложе.

Причем намного, если судить по нежным кудрям и костюму из книжки. Двенадцать! Да в его возрасте полагается ходить в крепком шерстяном пиджаке и бриджах, с отложным воротником, шейным платком и с приличной мужской стрижкой...

Я запоздало поняла, что нечто похожее подумал мой брат Шерлок, когда мы впервые встретились.

— Вы про этого бедняжку, пропавшего лорда Тьюксбери? Что есть, то есть, мать с ним носилась как с малышом. Говорят, с ума теперь сходит от горя, вот несчастье-то.

Я встала со стула, оставила хозяйке полпенни и вышла из кофейни. Саквояж я доверила носильщику на вокзале и налегке отправилась в Бэйзилвезер-парк.

Это расследование обещало быть куда интереснее поисков ярких камешков и птичьих гнезд. Мне предстояло отыскать нечто действительно важное, и я хотела попробовать свои силы. Вдруг у меня и правда получится? Я догадывалась, где может скрываться лорд Тьюксбери, однако доказательств у меня не было. Словно в забытии я шла по длинной тропе между громадными тополями, размышляя, куда он пропал.

Первые ворота стояли открытыми, а у вторых меня остановил сторож, в обязанности которого входило отваживать от поместья газетных репортеров и любопытных:

— Как вас звать, мэм?

— Энола Холмс, — машинально произнесла я.

Мне тут же захотелось провалиться под землю от собственной глупости. Разумеется, перед побегом я выдумала себе фальшивое имя: Лиана Месхол. Имя я выбрала в честь плюща, символа преданности, думая о маме. А фамилия — это шифр. Если взять слово «Холмс», разделить на «холмс»,

перевернуть — «мс хол», «Мсхол», и добавить гласную для гладкости произношения, получится «Месхол». Меня не заподозрили бы в родстве ни с одной из английских семей (разве что кто-нибудь спросил бы: «А вы, случайно, не родственница Месхолса из Сассекса, из Тоттеринг-хит?»), тем более — с Холмсами. Лиана Месхол. Очень хитро! Лиана Месхол! И надо же было мне как идиотке представиться сторожу Энолой Холмс!

Он и глазом не моргнул — мое имя ни о чем ему не говорило. Пока. Если за мной и началась охота, новости о ней еще не достигли этого городка (или ушей сторожа).

— И что же вас сюда привело, миссис... Э-э... Холмс? — спросил он.

Тогда я решила воспользоваться своей ошибкой и ответила:

— Как вам известно, мистер Шерлок Холмс сейчас занят, и он попросил меня приехать вместо него и изучить детали этого дела.

Сторож вскинул брови и выпалил:

— Так вы родственница этого детектива, мэм?!

— Верно, — с достоинством произнесла я и проплыла мимо его будки в Бэйзилвезер-парк.

Тропа, ведущая к дому, заканчивалась красивой круглой лужайкой, и в возвышающемся надо мной поместье поместилось бы, пожалуй, десять Фернделл-холлов, но я не пошла к широким мраморным ступеням и окаймленным колоннами дверям. Меня интересовало не роскошное здание и не великолепные сады с топиариями и ухоженными розами, мерцающими под слабыми лучами солнца. Я сошла с дорожки и направилась к прилегающим территориям, то есть к лесным насаждениям, которые окружали поместье и сады.

Не к лесу. А именно к лесным насаждениям. Я ожидала увидеть там сорняки, мох, колючие кусты — а передо мной предстал подстриженный мягкий газон, на котором при желании можно было играть в крикет.

Скучное местечко. Ни одной интересной лощины, оврага или грота. Плоские безликие земли. Полная разочарования, я вернулась на лужайку. У меня осталась одна до-

гадка... Вдруг за мной раздалось отчаянное сопрано:

— Миссис Холмс!

Я обернулась и увидела, что ко мне бежит несчастная мать пропавшего мальчика, герцогиня. Я поняла, что это она, по богатому наряду: вышитой и украшенной тесьмой серебристо-серой пелерине, слегка задравшемуся лавандовому платью с оборками и атласной нижней юбке плиссе приглушенного розового цвета. Только в ее слезах не было ничего красивого, а в походке раненого лебедя — ничего благородного. Она неслась ко мне, лавируя между деревьями, и выбившиеся из-под шляпки седоватые локоны прыгали по ее плечам.

За герцогиней едва поспевали две перепуганные горничные. Судя по опрятным фартукам и белым чепчикам с кружевами, они только что выбежали из дома вслед за хозяйкой.

— Ваша милость, — увещевали они свою госпожу, — ваша милость, извольте вернуться в дом и выпить чашечку чая. Пожалуйста, идемте, дождь собирается.

Но герцогиня не обращала на них внимания. Она подошла ко мне и дрожащими руками вцепилась в мои запястья:

— Миссис Холмс! Вы ведь женщина, вы меня поймете! Скажите, кто мог сотворить такое зло?! Где мой Тьюки?! Как мне быть?!

Я взяла ее руки в свои, мысленно похвалив себя за вуаль, скрывающую мою растерянность, и за перчатки, благодаря которым моя теплая кожа не соприкасалась с ее ледяной.

— Держитесь, м-м, ваша милость, и... э-э... — Я замялась. — Не теряйте надежды. Позвольте узнать, на территории поместья есть укромные места, куда ваш сын ходит, чтобы побыть наедине с собой?

Учитывая ее чрезмерную опеку, мать наверняка пристально следила за мальчиком и знала про его тайные убежища или хотя бы догадывалась, где они находятся.

— Наедине с собой? — растерянно переспросила меня герцогиня. Ее опухшие покрасневшие глаза непонимающе уставились на меня. — О чем вы?

— Полная чушь! — заявил высокий гулкий голос позади меня. — Эта жалкая вдовушка ничего не знает. Вашего сына отыщу я, ваша милость.

Я обернулась и встретила лицом к лицу с удивительной дамой намного выше и мускулистее меня и, как ни странно, без шляпы или чепчика. Жесткие волосы окружали голову пышной копной, словно она была лампой, а они — ярко-красной тенью; да, шевелюра у нее была не каштановая, не рыжая, а именно красная, почти алая, макового цвета, а черные, как сажа, глаза на фоне припудренного рисовой мукой лица походили на темную сердцевину макового бутона. Меня так поразили волосы и глаза, что на одежду я почти не посмотрела. Кажется, на ней было что-то из хлопка, вероятно привезенное из Египта или Индии, с уродливым малиновым узором, и платье дамы облегло ее крепкое тело подобно тому, как необузданные маковые волосы обрамляли лицо.

Герцогиня ахнула:

— Мадам Лелия?! О, вы все-таки пришли, как я вас и просила, мадам Лелия!

Что за мадам? Очевидно, медиум-спиритуалист, поскольку лишь в этой области женский пол, духовный и тонко чувствующий, заслуживал большего уважения, чем мужской. Подобные персонажи — мама называла их шарлатанами — пробуждали души усопших. Однако герцогиня свято верила, что ее сын жив! Зачем же эта пышная дама...

— Мадам Лелия Сивилла де Мак, астральный *perditorian*, к вашим услугам, — заявила она. — Я всегда нахожу то, что потеряно, ведь духам все дороги открыты, они все замечают, обо всем ведают, и они мои друзья.

Герцогиня стиснула крупные кисти медиума, облаченные в желтые перчатки, а мы с двумя притихшими горничными застыли, раскрыв рты. Вот только меня поразила не нелепая внешность мадам Лелии. Не речи про призраков. Хотелось верить, что после смерти земной оболочки душа остается жить, но если это правда, так я нашла бы занятие получше, чем стучать по мебели, звонить в колокольчики и опрокидывать столы. Упоминание «астрала» тоже не

впечатляло. Лишь одно слово лишило меня дара речи.

Одно слово: *perditorian*.

С латыни «*perditus*» переводится как «потерянный».

Perditorian: тот, кто ищет и находит потерянное.

Но... но как она посмела так себя величать — дама, которая несет вздор про духов и призраков?! Узнавать о потерянных, искать их и находить — это мое призвание.

Я искательница. Или буду ею. Не астральной — профессиональной. Первая в мире профессиональная, логически мыслящая, ученая искательница.

Вдохновившись этой идеей, я твердо уверилась в том, что именно так и буду себя называть.

* * *

Краем глаза я заметила, как горничные уводят герцогиню и мадам Лелию в поместье — то ли на чай, то ли на спиритический сеанс; меня это мало волновало. Я вернулась в ухоженный лесок, окру-

жавший Бэйзилвезер-парк, и пошла куда глаза глядят, не обращая внимания на морсящий дождик и прокручивая в голове изначальный план по воссоединению с мамой.

Он был довольно простым: по приезде в Лондон я собиралась нанять кеб, попросить отвезти меня в приличную гостиницу, поужинать и как следует выспаться. Остаться в гостинице, пока не отыщется подходящее жилище, открыть банковский счет... Нет, для начала съездить на Флит-стрит и поместить зашифрованное объявление во все газеты, которые читала мама. Наверняка она продолжает выписывать любимые журналы, где бы она ни была. А после этого я стала бы дожидаться ответа. Терпеливо ждать.

Этого вполне достаточно, если — в этом мне приходилось то и дело себя убеждать, — если мама жива и здорова.

Так или иначе, мне ничего не остается — только ждать.

По крайней мере, раньше я думала так. Но всего несколько минут назад меня озарило, кем я хочу стать, и спектр возможностей

тут же расширился. Пусть Шерлок сколько угодно наслаждается ролью единственного на свете консультирующего частного детектива — я же буду единственной в своем роде консультирующей частной искательницей! Стану вращаться в кругах работающих леди, которые встречаются в закрытых чайных в Лондоне и, вполне возможно, знают мою мать, сотрудничать с полицейскими из Скотленд-Ярда, куда Шерлок уже отправил просьбу выдать ему всю имеющуюся информацию о нашей матери, и с другими важными особами, а также с теми, кто пользуется дурной репутацией и... О, сколько возможностей! Я была рождена, чтобы стать искательницей. Чтобы находить потерянных близких. И...

И хватит мечтать, пора браться за дело! Немедленно.

До того как меня прервали, я размышляла над последней догадкой: вероятно, мне нужно дерево.

Я вернулась к скучным зеленым насаждениям, чтобы отыскать подходящее дерево. Оно должно расти не слишком близко к поместью и не на границе Бэйзилвезер-парка,

а в самой чаще, куда не проникают взоры любопытных взрослых. Тайное местечко, как и моя заросшая папоротником лощина в Фернделл-холле, должно чем-то выделяться и быть особенным. Достойным звания укрытия.

Дождь перестал моросить, и выглянуло солнце. Я уже обошла чуть ли не вокруг всего поместья, когда наконец нашла то, что искала.

Из одного ствола выходило четыре дерева. Семена клена попали в одно место и срослись в симметричном узоре. Их стволы росли под крутым углом, образуя идеальный квадрат.

Я поставила ногу в ботинке на крупный нарост, вцепилась в крепкий сук и подтянулась к проему между стволами, оказавшись в трех футах от земли перед обрамленным листьями «входом». Чудесно.

Что еще более чудесно: я заметила, что дерево обжито — вероятно, юным лордом Тьюксбери. В один из стволов он вбил большой гвоздь, точнее железнодорожный крепеж, не заметный случайному прохожему.

Судя по всему, на него полагалось что-то вешать? Нет, тогда подошел бы и маленький гвоздик. Тут другая задача.

На крепеж надо поставить ногу, чтобы залезть повыше.

Какая удача! Наконец, после нескольких недель заточения в Фернделл-холле, мне выпала возможность полазать по деревьям... Но постойте, вдруг меня заметят? Вдову — на дереве?

Я огляделась — вокруг не было ни души. Можно рискнуть. Я сняла шляпу с вуалью и спрятала ее в листве, а юбки задрала до колен и закрепила шляпными булавками. А затем наступила на крепеж, схватилась за сук и стала карабкаться наверх.

Волосы то и дело цеплялись за ветки, но меня это мало волновало. В общем и целом залезать на дерево — все равно что на лестницу, только листья лезут в лицо. И хорошо, что это было так просто, а то ноги и руки у меня до сих пор ныли после долгой поездки на велосипеде. К счастью, лорд Тьюксбери вбил крепежи везде, где не хватало толстых кленовых ветвей. Умный парень этот виконт. Наверняка железнодо-

рожные крепежи он украл с путей, которые пролегали за домом. Остается только надеяться, что из-за него не произошло никаких аварий.

Футов через двадцать я остановилась и задрала голову вверх, чтобы посмотреть, куда я лезу.

Ничего себе!

Он смастерил платформу.

Из-за пышных крон кленов с земли ее не было видно, а теперь она предстала передо мной во всей красе: квадратная постройка из кусков некрашеной древесины. Балки, на которых держалась конструкция, упирались в стволы, а для надежности лорд Тьюксбери закрепил их шнуром. Из досок получился неровный, но твердый пол. Я представила, как юный виконт таскает дерево из подвала, или с чердака конюшни, или еще бог знает откуда, как ночью тайком прокрадывается в лесок и с помощью веревки поднимает доски на верхушку дерева.

А милая мамочка завивала ему кудри и одевала в атлас, бархат и кружево! Вот это да!

Я выбралась на платформу через небольшой открытый люк. А увидев, что на ней находится, стала уважать лорда Тьюксбери еще больше. В качестве крыши для своего укрытия он подвесил на ветвях широкое полотно — вероятно, повозочный брезент. А вместо сидений сложил в несколько раз «позаимствованные» из конюшни подседельники так, что получились в меру удобные подушки. На гвоздях, вбитых в стволы, висели петли завязанной в узлы бечевки, изображения кораблей, металлический свисток и другие сокровища.

Я залезла на платформу.

Мое внимание тут же привлекла гора мусора в самом центре.

Обрывки, ошметки, обрезки валялись как попало, и я не сразу поняла, что это. Черный бархат, белое кружево, нежно-голубой атлас. Остатки дорогой одежды.

А венчала все это безобразие копна длинных золотистых кудрей.

Видимо, он обрился чуть ли не наголо.

И разорвал свой роскошный наряд в клочья.

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

Виконт Тьюксбери приходил сюда. По своей воле. Вряд ли его привел предполагаемый похититель.

И, судя по всему, также по своей воле, виконт Тьюксбери покинул укрытие: Вот только уже не в образе виконта Тьюксбери, маркиза Бэйзилвезерского.

Глава десятая

Спустившись на землю и расправив юбки, а также прикрыв лохматые волосы черной шляпкой и опустив вуаль, я отправилась бесцельно бродить по редкому лесу, не зная, как мне быть.

Я накрутила на палец длинный золотистый локон. Остаток шевелюры остался лежать на платформе. Скорее всего, птицы растаскают кудрявые волосы маркиза на материал для гнезд.

Мне вспомнилось немое послание рассерженного мальчика, которое он оставил после себя в укрытии.

Вспомнились и слезы его матери. Бедняжка!

Впрочем, лорда Тьюксбери тоже можно пожалеть. Беднягу заставляли ходить в бархате и кружеве! А это ничем не лучше корсета со стальными вставками.

Я невольно подумала о себе. Ведь я тоже в бегах, как и юный лорд Тьюксбери. Остается только надеяться, что ему хватит ума не назваться своим именем. Я по глупости представилась Энолой Холмс и тем самым подвергла себя опасности. Чем быстрее я отсюда уйду, тем лучше.

Однако необходимо успокоить несчастную герцогиню...

Нет. Нет, надо покинуть Бэйзилвезер-парк как можно скорее, пока...

— Миссис Холмс?

Мне стало не по себе. Я стояла на дорожке прямо напротив поместья, раздумывая, как мне быть: сбежать или остаться, когда сверху меня позвал незнакомый голос:

— Миссис Холмс!

Я зажала в кулаке светлый локон и обернулась. По мраморным ступенькам спускался некий господин в дорожном плаще. Один из лондонских детективов.

— Прошу прощения, что навязываюсь вам в знакомые, — сказал он, подходя ко мне, — но сторож нам сообщил, что вы здесь, и я подумал...

Это был невысокий, похожий на хорька человек, совсем не мускулистый, несмотря на свою опасную профессию, но с пронзительными глазами, блестящими как бусины. Казалось, две черные божьи коровки пытаются заползти мне под вуаль. Высоким голосом он продолжил:

— Я знакомый мистера Шерлока Холмса. Меня зовут Лестрейд.

— Добрый день. Как ваши дела? — учтиво поздоровалась я, но руку для пожатия не протянула.

— Отлично, благодарю вас. Должен признаться, что крайне рад встрече. — Ему явно хотелось узнать, кто я такая. Имя мое он знал — Энола Холмс. По виду понял, что я вдова. Поэтому и назвал меня «мисис». Полагаю, Лестрейд думал так: «Если с семьей Холмсов она породнилась всего лишь посредством брака, почему Шерлок отправил ее на расследование вместо себя?»

— Признаюсь, Холмс мне про вас не рассказывал, — добавил он.

— Действительно. — Я вежливо кивнула. — А вы обсуждали с ним ваших родных?

— Нет! Э-э... как-то к слову не пришлось.

— Разумеется.

Я надеялась, что у меня получается выдерживать сухой, спокойный тон. В голове, будто стаи щебечущих зябликов, пролетали тревожные мысли. При первом же удобном случае этот проныра доложит обо мне Шерлоку и скажет, как и где мы встретились. Нет, хуже! Он ведь инспектор Скотленд-Ярда и непременно получит телеграмму о сбежавшей сестре Холмсов. Надо спастись, пока есть возможность. Судя по всему, Лестрейд уже и так меня подозревает. Необходимо его отвлечь от изучения моей персоны.

Я раскрыла ладонь и показала ему золотистую прядь.

— Касательно лорда Тьюксбери, — властно заявила я, подражая манере своего знаменитого брата. — Его никто не похищал. — Я махнула рукой, пресекая возражения инспектора. — Он сам взял дело в свои

руки; сбежал из дома. Полагаю, вы бы поступили так же, если бы вас одевали в бархатные наряды, словно куклу. Он мечтает отправиться в плавание на лодке. Точнее, на корабле. — Я вспомнила картины с парходами, клиперами и другими судами, которые висели в укрытии виконта. — Особенно ему нравится это громадное чудище, похожее на корыто для скота, с большими мачтами и гребными колесами по бокам — как же оно называется? С его помощью еще проложили трансатлантический телеграфный кабель.

Инспектор Лейстред не отрывал взгляда от кудрявой пряди, и вид у него был ошеломленный.

— Как... где... — пробормотал он. — Откуда такие выводы?..

— «Грейт Истерн»! — Я наконец вспомнила название крупнейшего пархода в мире. — Лорда Тьюксбери вы найдете в порту — вероятно, лондонском. Он учился завязывать морские узлы, а значит, надеется поступить на судно матросом или юнгой. Волосы он остриг. Добыл одежду простолюдина. Скорее всего, у одного из

работников конюшни. Советую их допросить. Переодетого и остриженного виконта никто не узнал бы на станции, если бы он захотел отправиться в Лондон поездом.

— А открытая дверь? А взломанный замок?!

— Он хотел, чтобы искали не его, а похитителей. Ужасно с его стороны так беспокоить мать, — заметила я, и мне сразу стало не так стыдно за то, что я выдаю мальчика. — Передайте это ее милости. — Я протянула инспектору золотистую прядь. — Не знаю, правда, поднимет она ей настроение или же, наоборот, испортит.

Оцепеневший Лестрейд, судя по всему не отдающий себе отчета в своих действиях, медленно поднял правую руку и забрал у меня прядь волос.

— Но... где вы ее нашли? — спросил он и чуть было не схватил меня за локоть. Я вовремя шагнула в сторону и заметила, что нас подслушивают. На верхней ступени мраморной лестницы, между балюстрадами и греческими колоннами, затаилась любопытная мадам Лелия.

Я ответила как можно тише:

— На «первом этаже», так скажем, кленового дерева с четырьмя стволами.

После этого я показала пальцем в сторону укрытия виконта и, как только Лестрейд отвернулся, поспешила прочь, шагая намного быстрее, чем положено достойной вдове.

— Миссис Холмс! — крикнул он мне вслед.

Не замедляя шага и не оглядываясь, я помахала ему рукой, совсем как Шерлок в нашу последнюю встречу, когда он взмахнул тростью на прощание. Подавив желание перейти на бег, я продолжила идти.

А оказавшись за воротами Бэйзилвер-парка, наконец вздохнула с облегчением.

* * *

Я впервые путешествовала поездом и не знала, что вагон второго класса разделен на небольшие купе, на четыре человека каждое, с кожаными сиденьями, поставленными друг напротив друга — прямо как в карете. Я представляла себе открытое пространство, вроде как в омнибусе. Но нет: кондуктор провел меня по узкому коридо-

ру, распахнул дверь купе, и волей-неволей я заняла единственное свободное место — против движения, — оказавшись наедине с тремя незнакомцами.

Поезд тронулся и поехал, медленно набирая скорость, в сторону Лондона.

К своему неудобному месту я отнеслась философски: встреча с инспектором Лестрейдом нарушила мои планы, и догадаться, что ждет меня впереди, было совершенно невозможно.

Он увидел меня в образе полоумной вдовы Энолы Холмс и непременно попытается расспросить о ней Шерлока, а значит, придется отказаться от этой практически безупречной личины.

В самом деле, мне следует поразмыслить над своим положением.

Я со вздохом устроилась поудобнее на краешке сиденья — почти все место занимал мой турнюр, точнее «багаж» — и сглотнула, стараясь не поддаваться тошноте. Поезд трясло и мотало из стороны в сторону, а несясь он в два раза быстрее моего велосипеда, скользящего вниз по холму. Деревья и здания пролетали за окном с головокру-

жительной скоростью, и я старалась на них не смотреть.

Меня мутило, и не только из-за неудачного сиденья.

Надежный, комфортный план с кебом, гостиницей, элегантными комнатами и спокойным ожиданием рухнул. Я себя выдала. Попалась Лестрейду на глаза. Теперь либо он, либо Шерлок будут искать молодую вдову в Бельвидере и вскоре выяснят, что она отбыла в столицу на экспрессе. Вот и навела братьев на мысль, что я в Уэльсе! Как бы не так. И хотя о моем финансовом благополучии им пока неизвестно, скрыть тот факт, что я уехала в Лондон, у меня уже не получится.

Разве что покинуть город сразу же по приезде, первым попавшимся поездом?

Нет, Шерлок наверняка спросит обо мне в кассах, а в черном трауре опознать меня не составит труда. Сыщик быстро выяснит, куда я отправилась — в Хаундстон, Рокингем или Пудингсворт, и поедет за мной следом. А в этих небольших городках найти человека куда проще, чем в столице.

Кроме того, мне хотелось побывать в Лондоне. Нет, я сомневалась, что там скрывается моя мать — это маловероятно, но подозревала, что в столице будет легче осуществлять поиски. К тому же я всегда грезила о Лондоне. Дворцы, фонтаны, кафедральные соборы! Театры, опера, джентльмены во фраках, леди в бриллиантах.

А еще — об этом я подумала с легкой улыбкой, скрываясь под вуалью, — прятаться прямо под носом у старших братьев, когда они об этом знают, должно быть особенно приятно. Пусть возьмут назад свои слова о том, что у меня маленькая голова и я не способна переварить сразу много информации!

Отлично. Лондон так Лондон.

Однако, поскольку обстоятельства изменились, кеб я взять не смогу. Не сомневаюсь, что Шерлок Холмс опросит всех кебменов у вокзала. Придется идти пешком. А прибудем мы под ночь. И в гостинице я не смогу остановиться — в них брат тоже наведет справки. Чем дальше я уйду от железнодорожной станции, тем лучше. Вот только куда мне податься? Один неверный

поворот — и меня возьмут в тиски сомнительные личности. Воры или... Может, даже головорезы.

Кошмарно.

Я отвела взгляд от тошнотворного пейзажа за окном и взглянула на застекленную дверь купе.

И чуть не завизжала.

За стеклом маячило широкое лицо, похожее на полную луну.

Незнакомец прижал нос к двери и всмотрелся во всех пассажиров по очереди. Холодный, ничего не выражающий взгляд задержался на мне, а затем подозрительный господин отвернулся и пошел дальше по коридору.

Я нервно сглотнула и покосилась на соседей по купе. Они не выглядели напуганными. Рабочий в кепке храпел на сиденье справа от меня, выставив перед собой ноги в грубых ботинках с квадратными носами. Напротив него господин в клетчатых штанах и фетровой шляпе читал газету, посвященную скачкам (судя по изображениям жокеев и лошадей). А приземистая пожилая дама рядом с ним неотрывно смо-

трела на меня с приветливым выражением лица.

— Что-то не так, уточка? — поинтересовалась она.

Уточка?¹ Крайне необычное обращение. Однако я не стала заострять на нем внимание и спросила:

— Кто это был?

— Ты о ком, утя?

Либо она его не заметила, либо ничего удивительного тут нет и лысые здоровяки в тряпичных кепках то и дело заглядывают в купе в поездах, просто я об этом не знала.

Я покачала головой и пробормотала:

— Не обращайтесь внимания.

Хоть и почувствовала укол совести за то, что солгала.

— А ты вон какая-то бледная под всей этой чернотой, — заметила моя новая знакомая. Обычная беззубая карга, только в старомодном капоре вместо приличной шляпы, да еще громадном, с широкой каймой, из-за чего он походил на гриб, и оранжевой

¹ Силуэт дамы в платье с турнюрком и модной шляпке напоминал англичанам утку. Были даже карикатуры на эту тему.

лентой, завязанной под щетинистым подбородком. Одета она была в поредевший от времени меховой палантин, уже не совсем белую блузку и выцветшую фиолетовую юбку с подновленной вышивкой. Старуха посмотрела на меня как малиновка на зерно и масляным голосом уточнила: — Недавнее горе-то у тебя, уточка?

А. Ей хотелось побольше узнать о моем «дорогом почившем супруге». Я кивнула.

— А теперь что, в Лондон?

Я кивнула.

— Вот часто так бывает, верно я говорю, утя? — Невоспитанная попутчица подалась вперед и посмотрела на меня со смесью торжества и сочувствия. — Подцепила хорошего парня, да, а потом он возьми и помри. — Какое грубое слово она подобрала! — Помер он, да, и оставил тебя без корки хлеба. Вот ты, бедная и бледная, сидишь тут небось с дитем в пузе?

Я с трудом понимала, о чем она говорит. Как можно распространяться о подобных вещах в общественном месте, да еще и в присутствии мужчин (к счастью, они пока ничего не заметили)! От возмущения

у меня пропал дар речи. Краска залила лицо.

Дружелюбная мучительница решила, что мое смущение — знак согласия. Она кивнула и подалась еще ближе:

— Теперь голову ломаешь, как прокормиться в городе, а? Ты раньше-то была в Лондоне, а, душенька?

Я только и сделала, что помотала головой.

— Ну, прежних ошибок не повторяй, уточка, и не важно, чего там тебе джентльмены обещают. — Она сделала вид, будто хочет раскрыть мне страшную тайну, но голос не понизила. — Если в кармане у тебя пусто, милочка, то вот тебе совет:ними нижнюю юбку-другую...

Мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок. Рабочий продолжал беспечно храпеть, а вот второй господин спрятал лицо за газетой.

— ...ну зачем они тебе? — продолжала беззубая старуха. — Знаешь, в Лондоне много девиц без нижних юбок, а у тебя их небось штук шесть! Это ясно по тому, как они шуршат, да и платице-то пышное.

Скорее бы мы приехали и этот невыносимый разговор закончился! Он был мне настолько противен, что я рискнула посмотреть в окно. За стеклом пролетали небольшие дома и высокие здания, кирпичные и каменные, тесно прижатые друг к другу.

— Ты их отнеси в лавку поношенной одежды Калхейна на Сент-Тукингс-лейн, повернешь туда с Кипл-стрит, — неустанно вещала приземистая карга. Теперь она больше напоминала жабу, чем малиновку. — Ну, знаешь, это там, в Ист-Энде. Пройдешь мимо порта. И учти: как отыщешь эту улочку, ни к кому другому не заходи, напрямую шагай к Калхейну: там тебе щедро заплатят за твои юбки, особенно если они из настоящего шелка.

Ее сосед зашуршал газетой и прокашлялся. Я вцепилась в край сиденья, стараясь отодвинуться как можно дальше от надоедливой старухи, насколько мне это позволял турнюр.

— Благодарю вас, — пробормотала я, поскольку она и правда мне помогла, хотя продавать нижние юбки я не собиралась.

Мне нужно было избавиться от вдовьего траура и найти ему замену. Разумеется, в деньгах я не нуждалась и могла заказать все, что душе угодно, но на пошив одежды уходит много времени. Тем более что Шерлок наверняка допросит каждую достойную швею, а меня непременно запомнят, если я приду в траурной одежде: в черном или хотя бы в сером с белой или лавандовой отделкой. Только такие наряды позволялось носить вдове после первого года траура, и мама этому правилу следовала. Учитывая хитрость и смекалку брата, мне этот вариант не подходит. Недостаточно сменить наряд; надо полностью преобразиться. Но как? Стащить с бельевой веревки чужие тряпки?

Теперь благодаря невоспитанной старухе, я знала, как мне поступить. Лавка поношенной одежды. Сент-Тукингс-лейн, поворот с Кипл-стрит. Ист-Энд. Там Шерлок и не подумает обо мне спрашивать.

И над тем, что в Ист-Энде мне угрожает опасность, сама я не задумалась, хотя следовало бы.

Глава одиннадцатая

Со своего места я не могла рассмотреть лондонские пейзажи за окном, зато, сойдя на станции Олдерсгейт, не стала спешить уйти, а остановилась взглянуть на густо населенный большой город. Надо мной возвышались возведенные человеком джунгли из зданий куда более высоких и грозных, чем самые величественные деревья на свете.

И здесь жили мои братья?!

В этой кирпично-каменной карикатуре на привычный мне мир?! С темными силуэтами дымовых труб и острых крыш, похожих на привидения на мрачном, мутно-оранжевом горизонте?! Облака свинцового цвета висели низко над землей, а заходя-

щее солнце разливало между ними растопленное золото; готические башни на фоне пасмурного неба выглядели одновременно и празднично, и угрожающе, будто свечи на праздничном торте в честь дня рождения дьявола.

От созерцания этой картины меня отвлекли городские жители: они спешили по своим делам, и то и дело кто-нибудь задевал меня сумкой или плечом. Я сделала глубокий вдох, сглотнула и повернулась спиной к удивительно зловещему закату.

В Лондоне, как и везде, солнце заходило на западе. Я же заставила свои затекшие ноги двигаться по широкой аллее в противоположном направлении — на восток, туда, где располагались лавки подержанной одежды, порты и бедные районы. В Ист-Энд.

Я прошла через несколько кварталов и очутилась на узкой улочке в тени льнувших друг к другу зданий. Солнце тонуло за горизонтом. В городе ночь освещали не луна и звезды. На тротуар лился желтый свет из лавок, и на контрасте тьма казалась еще гуще. Размытые силуэты прохожих то возникали под слабым светом газовых фо-

нарей, то пропадали во мраке, словно ночные видения.

Или существа из кошмара. В тенях носились крысы — наглые, городские, которые не убегали при моем приближении. Я отводила взгляд и усиленно представляла, будто их вовсе не существует.

Я старалась не глазеть на небритого господина в алом галстуке, щуплого мальчонку в обносках, здоровяка в запятнанном кровью фартуке, босую цыганку на углу — оказывается, в Лондоне тоже есть цыгане! Только здесь они не гордые кочевники, а грязные попрошайки, словно вымазанные в саже.

Это и есть Лондон?! А где же театры, кареты, леди в драгоценностях, вечерних платьях и мехах, джентльмены в золоте, белых галстуках, фраках?!

Вместо них передо мной предстал бледный человек, на спине и груди которого висело по табличке с одной и той же надписью:

*Для
БЕЗУПРЕЧНОГО
БЛЕСКА ВОЛОС*

*Наносите
Массажное
Масло
Ван Кемпта*

Выглядел он так, словно его засунули в передвижную конуру. Несчастного облепили чумазные ребятишки и пытались стянуть с его головы помятый котелок.

— А где ты горчицу хранишь, дяденька? — весело подпрыгивая, крикнула одна из девочек. Видимо, шутка была потрясающая, поскольку ее друзья громко расхохотались словно маленькие банши¹.

Темные улицы гудели от шума: лавочники прикрикивали на юных беспризорников («А ну прочь!»), колеса телег скрипели, продавец рыбы орал во всю глотку «Свежая пикша на ужин! Бери-ите свежую пикшу!», матросы громогласно приветствовали друг друга. Полная дама, стоя на пороге, ко-

¹ Банши — мифическое существо из ирландского фольклора, известно своим резким оглушающим воплем.

торый давно пора было подмести, вопила: «Сара! Вилли!»

Интересно, это ее дети издевались над тем несчастным с табличками?

Меня окружали прохожие и их вульгарные громкие речи, и я шагала как можно быстрее, надеясь сбежать от этой толпы.

Среди всех этих непривычных для меня сцен и звуков я растерялась и не сразу заметила, что меня преследуют.

Ночь вступала в свои права, и сами улицы становились все мрачнее. В лавках погасили свет, открытыми оставались только таверны на углах, и из окон в непроглядную тьму выливались пьяные крики. На пороге одного из домов стояла дама с красными губами, белой кожей и черными бровями — видимо, одна из тех «жриц любви», о которых я читала. Она была в безвкусном платье с глубоким вырезом и отвратительно воняла джином и немытым телом. Правда, вонь здесь исходила не только от нее; весь Ист-Энд был пропитан мерзким запахом вареной капусты, дыма от пущенного на растопку угля, мертвой рыбы, выброшенной на берег Темзы, нечистот в сточных канавах.

И людей. В сточных канавах.

Кто-то лежал там, пьяный или больной. Дети жались друг к другу как щенки, стараясь уснуть. Очевидно, дома у них не было. У меня защемило сердце; мне захотелось разбудить ребятишек и дать им денег на хлеб и пирожки с мясом. Но я заставила себя ускорить шаг и пройти мимо. Мне становилось не по себе. Я чуяла опасность...

Передо мной возникла чья-то тень.

Она ползла по тротуару на четвереньках, волоча за собой босые ноги.

Я резко остановилась, словно громом пораженная, и уставилась на старуху в одном лишь рваном изношенном платье, которое почти не скрывало ее наготы — белья на несчастной не было. На лысой голове не было даже тряпки, зато ее покрывали жуткие язвы. Я чуть не вскрикнула, но вовремя сдержалась. Старуха, со скоростью улитки переползающая дорогу, безразлично взглянула на меня, и я увидела бледные, как крыжовник, глаза...

Зря я задержалась. За мной слышались тяжелые шаги.

Я ринулась вперед, но было слишком поздно. Преследователь настиг меня и впился в предплечье железной хваткой. Я хотела закричать, но твердая как сталь ладонь накрыла мне рот. У самого уха прогудел низкий голос:

— Шевельнешься или пискнешь — убью.

Я застыла от ужаса и всмотрелась в темноту, широко распахнув глаза. Я не могла сдвинуться с места и еле дышала. Крепкая рука преследователя обхватила меня за плечи, сильно их сжав, и я ударилась спиной обо что-то твердое; я бы подумала, что это каменная стена, если бы не знала, что за мной стоит человек. Он убрал руку от моих губ, но с них не успело слететь ни звука. В сумраке я разглядела нечто длинное и блестящее, похожее на осколок льда. Лезвие ножа.

Мне удалось различить и кулак, стиснувший рукоятку.

Он был облачен в лайковую перчатку коричневатого-желтого цвета.

— Где он?! — последовал грозный вопрос.

Что? Где кто? Я не могла вымолвить ни слова.

— Где лорд Тьюксбери?!

Ничего не понимаю. Почему незнакомец из Лондона расспрашивает меня о сбежавшем мальчике? И откуда он узнал, что я приехала из Бельвидера?

Тут мне вспомнилось лицо за стеклянной дверью в вагоне поезда.

— Последний раз спрашиваю, — прошипел негодяй, — где виконт Тьюксбери, маркиз Бэйзилвезерский?!

Время перевалило за полночь. В тавернах все еще гремели пьяные крики, сдобренные элем, и непристойные нескладные песни, но на мощенных булыжником мостовых и тротуарах не было ни души. По крайней мере там, где их освещали фонари. В тени мог скрываться кто угодно. И на помощь в этом богом забытом месте надеяться не приходилось.

— Я... э-э... — пробормотала я. — Понятия не имею.

Под подбородком у меня скользнул нож, и сквозь высокий воротник я почувство-

вала, как он прижимается к моему горлу. Я нервно сглотнула и закрыла глаза.

— Мы тут не в игры играем, — предупредил мой захватчик. — Ты же к нему сейчас идешь. Где он?!

— Вы ошибаетесь. — Я старалась отвечать спокойно, но голос у меня дрожал. — Вас ввели в кошмарное заблуждение. Мне ничего не известно о...

— Лгунья!

Я буквально ощутила, как в нем возрастает жажда убийства. Он резанул ножом по моему воротнику, но лезвие скользнуло по пластинке из китового уса. Я поняла, что оказалась на волосок от смерти, и, закричав, принялась извиваться, пытаюсь вырваться из захвата, и размахивать саквояжем. Тот попал негодяю по лицу и отлетел в сторону. Незнакомец выругался, и хватка ослабла, но спастись все равно не удалось. Лезвие вонзилось мне в бок и попало в корсет. Вскоре последовал второй слепой удар в надежде угодить в плоть. Нож разрезал платье, оставив в нем большую неаккуратную дыру. В тот же момент я наконец высвободилась и побежала прочь.

— Помогите! Кто-нибудь, спасите меня! — кричала я в темноту, убегая со всех ног сама не зная куда.

— Сюда, мэм, — позвал высокий, писклявый мужской голос.

Все-таки мой зов услышали! Я чуть не всхлипнула от облегчения и повернула в тесный переулок между домами, пропахший дегтем.

— За мной, — приказал незнакомец и, взяв меня за локоть худой кистью, повел по извилистому пути к мерцающей в ночи реке. Там он помог мне забраться на узкие мостки, и они задрожали у нас под ногами.

Интуиция подсказала мне, что лучше повернуть назад, и сердце забилось быстрее прежнего.

— Куда мы идем? — прошептала я.

— Делай что тебе велено и помалкивай, — ответил мой проводник, и не успела я и глазом моргнуть, неожиданно заломив мне руку за спину, подтолкнул меня вперед, к неизвестной цели.

— Пустите!

Я вжалась каблуками в доски, и вместо страха на меня нахлынул гнев. Меня чуть не

покалечили, пригрозили ножом, саквояж потерян, платье испорчено, планы рухнули, теперь еще и спаситель оказался неприятелем. Я вышла из себя.

— Прекрати, негодяй! — как можно громче завопила я.

— Придержи язык!

Он болезненно скрутил мне руку и толкнул вперед. Я чуть не упала, но кричать не прекратила:

— Черт! Не трогайте меня!

Вдруг по правому уху мне приложили чем-то тяжелым, и я рухнула в темноту.

* * *

Мне не хочется говорить, что я упала в обморок. Я никогда не теряла сознание — и надеюсь не терять его впредь. Скажем так — какое-то время я пребывала в небытии.

А потом, когда открыла глаза, обнаружила, что полулежу на неудобном дощатом полу, запястья связаны, лодыжки тоже стянуты грубой пеньковой веревкой.

С низкого потолка из необработанной древесины свисала масляная лампа, от ко-

торой исходило слабое свечение и удушьящее амбре. У ног мерцала вода цвета скипидара, и ее окружали камни — как бы пародия на мою любимую ложину в лесу у Фернделл-холла. Пол подо мной качался. Голова кружилась. Я закрыла глаза и стала дожидаться, пока отступит тошнота.

Но ничего не менялось. То есть пол все так же ходил ходуном. Я заметила, что с меня сняли шляпу — вероятно, опасались, как бы я не пустила в ход острые булавки. Теперь, защищенная лишь спутанными волосами, голова казалась невыносимо голой и качалась в такт полу, но в остальном я чувствовала себя не так уж и плохо.

Тут я поняла, что лежу в подвале лодки.

Точнее, в трюме. Так это называется. В баржах и кораблях я не разбиралась, но на гребной лодке мне плавать приходилось, и я узнала это легкое покачивание привязанного к причалу небольшого судна. Потолок, с которого свисала масляная лампа, разделял трюм с палубой. Мерзкая лужа у моих ног носила название «трюмная вода», а камни, вероятно, были «балластом».

Нэнси Спрингер

Я открыла глаза и вгляделась в полумрак, изучая свою загадочную тюрьму. Как оказалось, в нее заключили не одну меня.

У противоположной стены сидел связанный по рукам и ногам мальчик.

И смотрел на меня.

Сердитое лицо. Темные глаза. Грубая челюсть.

Дешевая одежда не по размеру. Босые ступни — мягкие, бледные, воспаленные.

Неаккуратно обритые светлые волосы.

Я его уже видела — на первой странице газеты.

Это был виконт Тьюксбери, маркиз Бэйзилвезерский.

Глава двенадцатая

Но... но это нелепо. невозможно. он же собирался сбежать на корабле!

Даже не представившись как следует, я воскликнула:

— Господи, вы-то здесь откуда?

Он вскинул золотистые брови:

— Полагаете, мы с вами знакомы, мисс?

— Бога ради, ничего я не полагаю! —

Возмущенная и удивленная, я не без труда приподнялась и села, выпрямив спину. Похоже, у маркиза дурной характер. — Я знаю, кто ты такой, Тьюки.

— Не смейте так меня называть!

— Ладно, лорд Тьюкспогребенный в море, почему ты лежишь босой и связанный в трюме лодки?

— В ответ на это можно было бы задать вполне закономерный вопрос: почему мелкая девчонка нарядилась вдовой? — отрезал он аристократичным тоном.

— О, юнга с итонским акцентом? — съязвила я.

— О, вдова без обручального кольца? — парировал маркиз.

Поскольку руки у меня были связаны за спиной, я не сразу заметила, что на них больше нет перчаток. Но теперь, когда я сидела прямо на своем турнюре, кончики пальцев касались холодной веревки.

— Зачем ему мои перчатки? — воскликнула я.

— Им, — поправил меня его светлость. — Он не один. Их двое. Хотели украсть кольцо, а его и не было. — Говорил Тьюксбери заносчиво и надменно, но я заметила, какой он мертвенно-бледный и как дрожат его губы. — И карманы тоже проверили, нашли несколько шиллингов, шпильки, лакрицу, довольно грязный носовой платок...

— Конечно, — сказала я, надеясь остановить бессмысленное перечисление. От

одной мысли о том, что эти незнакомцы совали руки в мои карманы, пока я лежала без сознания, по коже пробежала дрожь. К счастью, меня саму они не трогали — «багаж» в виде подкладок под одеждой остался на месте.

— ...расческу, щетку для волос, разрисованную цветами брошюрку...

У меня екнуло сердце, как будто мать только что убили у меня на глазах. Глаза жгло от слез. Но я закусил губу. Не время и не место оплакивать потерю.

— ...а через разрез на платье проглядывал скандально-розовый корсет.

— Испорченный мальчишка! — сердито выкрикнула я, кипя от гнева и смущения. — Ты вполне заслужил быть связанным по рукам и ногам...

— Интересно, почему девочка моего возраста заслужила то же самое?

— Я старше!

— Намного?

Я уже собиралась было ответить, но вовремя вспомнила, что не стоит никому рассказывать, сколько мне лет. Все-таки он был хитер.

И напуган, несмотря на показную храбрость.

Напуган не меньше меня.

Я перевела дыхание и спросила ровным голосом:

— Давно ты здесь?

— Всего час или около того. Пока щуплый преследовал меня, здоровяк охотился за тобой — не знаю почему. Я...

На палубе раздались тяжелые шаги, и он умолк. В дальнем углу нашей тюрьмы возник квадрат света, и я стала свидетельницей нелепой картины: на лестнице показались резиновые сапоги, за ними ноги и спина, и на пол неуклюже спрыгнул один из наших захватчиков.

— Осталось меньше часа, — сказал он своему приятелю, и я узнала этот писклявый голос. Его обладатель, тощий и хилый, горбился, как будто его ударили в живот, и походил на недокормленную дворняжку. — Нашел его у доков, прям как ты в телеграмме написал — околачивался там у «Грейт Истерна». С ним-то ясно, чего делать, а с девчонкой что?

— Да то же самое, — прорычал второй

негодьяй, спускаясь по лестнице. Его голос я тоже узнала. Вслед за черными сапогами показались нескладные ноги и руки, облаченные в черную одежду, раньше явно принадлежавшую джентльмену, а теперь безнадежно испорченную. Свет лампы выхватил из полумрака бледные лайковые перчатки желтого цвета. Сливки общества частенько носили лайковые перчатки, особенно желтые, — они служили признаком высокого социального положения.

Однако на голове у него сидела не шляпа благородного господина, а тряпичная кепка рабочего.

Затем он развернулся, и я увидела его лицо.

То самое, суровое и белое, похожее на полную и мрачную луну лицо, маячившее за дверью купе в поезде. Теперь я бы сравнила его скорее с черепом: под кепкой он оказался отвратительно лысым, как червь, только из ушей торчали редкие рыжие волоски.

— Я думал, ты на всякий случай за ней увязался — мало ли, если бы я опростоволосился, — сказал Писклявый.

— Ну да, чтобы уж наверняка его добыть, — признался Здоровяк. — А еще она сказала, что фамилия у нее Холмс.

Он со зловещим удовлетворением посмотрел на меня и ухмыльнулся, когда я широко распахнула глаза и разинула рот. И ведь тут было чему удивиться! Откуда он узнал, кто я такая?!

Довольный моей реакцией, Здоровяк повернулся к своему приятелю:

— Якобы она родственница Шерлока Холмса. А если оно и правда так, нам светит нехилая выручка.

— Чего ж ты ее зарезать пытался?

Я оказалась права: именно этот рыжий здоровяк напал на меня с ножом.

Он пожал плечами и холодно бросил:

— Она меня взбесила.

Постепенно я начала понимать, что происходит. Он выглядывал меня в поезде и преследовал от самой станции.

Но... Но почему? С чего он взял, будто я знаю, где находится лорд Тьюксбери?

— Бесовка. — Головорез пронзил меня холодным, как лед, взглядом черных глаз, который показался мне отчасти знакомым,

и по коже пробежали мурашки. Он продолжил: — У местных девчонок нет за душой ни одного лишнего шиллинга на корсеты. Уж поверь мне — я столько животов разрезал на своем веку! И не вздумай меня сердить.

Я промолчала, не зная, что ответить.

К тому же мне было до смерти страшно.

Пугающую атмосферу, созданную Здравяком, испортил его хлипкий напарник:

— Ты смотри осторожней, приятель, сам не взбеси Шерлока 'Олмса-то. А то я слышал, с ним шутки плохи!

Здравяк повернулся к нему и угрожающе прошипел:

— Я буду шутить с кем хочу. Я пошел спать. А ты охраняй этих двоих.

— Так и собирался сделать, — пробормотал Пискалявый, дождавшись, пока его подельник вылезет из трюма.

* * *

Наш тощий сторож прислонился спиной к лестнице и уставился на нас. В его маленьких глазках плескалась злоба, и он походил на уличного барбоса.

— Кто вы такой? — требовательно спросила я.

Негодяй ухмыльнулся, и даже в тусклом свете масляной лампы было заметно, что нескольких желтых зубов у него не хватает.

— Принц Прелестник Консконавозный, — сказал он.

Кто бы ему поверил! Я бросила на него сердитый взгляд.

— Раз уж мы начали друг другу представляться, извольте сообщить, как вас зовут, — обратился ко мне лорд Тьюксбери.

Я покачала головой.

— Хватит болтать, — проворчал Писклявый.

— Что вы намерены с нами делать? — холодно спросила я.

— Взять с собой на танцы, чего тут думать? Я ж сказал — молчать!

Я повернулась на тот бок, где зиял разрез на платье, и, не желая больше разговаривать с этим шутником, закрыла глаза.

Сложно заснуть или хотя бы притвориться, что спишь, когда руки связаны за спиной. Усугубляли ситуацию стальные

пластины корсета, которые болезненно врезались мне в подмышки.

Лежать было неудобно, и мысли у меня путались. Они упомянули «выручку», а значит, надеялись получить за своих заложников крупную сумму. Более унижительного воссоединения с братьями я и представить себе не могла. Они непременно отправят меня в такой пансион, где девиц лупят розгами. И, вероятно, отберут все деньги. А как, ну как, как этот круглолицый головорез узнал, кто я такая, увязался за мной, выяснил, куда отправился виконт Тьюксбери и даже успел отправить телеграмму своему подельнику?! И что он имел в виду, когда говорил «Да то же самое»? Меня сковал ужас, но я напредила себе, что надо сохранять бдительность, чтобы воспользоваться первой же возможностью для побега. Умом я понимала, что лучше дышать размеренно, не дрожать, копить энергию, что не лишним было бы вздремнуть, но заставить себя следовать своим же советам не могла.

Благодаря округлой форме дна я лежала словно в гамаке, а подкладки под одеждой заменяли мягкие подушки, но все равно

приятного было мало. Я постаралась лечь поудобнее, но ничего не вышло. Теперь стальные пластины впивались не только в подмышки, но и в правый бок, напоминая о той неприятной минуте, когда Здоровяк полоснул по платью ножом...

Стальные пластины. Нож.

Я замерла.

О! О, если бы только у меня получилось!

Я приоткрыла глаза и покосилась на Писклявого Барбоса, мысленно хваля себя за скромность — ведь именно из-за нее я легла на тот бок, где проглядывал корсет, лицом к сторожу. Он все так же сидел, прислонившись спиной к лестнице, но голова у него была опущена. Он спал.

Как мы поднимемся наверх, не разбудив его? Этим вопросом я решила задаться чуть позже.

А пока, стараясь не производить лишнего шума, я слегка приподнялась и поднесла связанные запястья к вылезшей из корсета стальной пластине.

Проделать это было непросто, поскольку разрез был у меня на боку. Я вытянула одну руку прямо и оперлась на локоть другой,

стиснув зубы, чтобы не издавать ни звука, и зацепила веревку за край пластины.

Двигаться в таком положении было практически невозможно, но мне все же удалось высвободить пластину из-под накрахмаленной ткани.

Изогнувшись еще сильнее, я принялась пилить веревку о сталь.

На лорда Тьюксбери я не смотрела и старалась о нем не думать, уверяя себя, что он спит. Иначе я бы под землю провалилась от стыда.

Я с трудом стачивала веревку, поднимая и опуская руки, не забывая вжимать связанные запястья в край стальной пластины. Казалось, прошла целая вечность, и плечи гудели от усталости. Не знаю, сколько часов я на это потратила, потому что в трюме не отличить день от ночи. Судить о том, приносят ли мои усилия хоть какую-то пользу, тоже было нельзя — я ведь ничего не видела. Только чувствовала, как острый край пластины впивается в кожу. Я стала еще яростнее перепиливать веревку, наблюдая за спящим сторожем и изо всех сил напрягая слух, но тишину нарушало лишь мое

прерывистое дыхание. Я скорее чувствовала, чем слышала, плеск волн, хлюпанье трюмной воды, глухое постукивание лодки о пирс...

Писклявый вздрогнул, как будто его блоха укусила. Я успела выпрямиться и спрятать руки за спиной за мгновение до того, как он открыл глаза и пожаловался, бросив на меня негодующий взгляд:

— Ну чего ты эту чертову лодку-то качаешь, а?

Глава тринадцатая

Я замерла, дрожа как кролик в кустах.

Вдруг с другого края трюма раздался властный голос:

— Зачем я раскачиваю лодку? Потому что таково мое желание. Я требую... Нет, я приказываю судну качаться.

Юный виконт Тьюксбери, маркиз Бэйзилвезерский, в самом деле раскачивался взад-вперед, нарушая покой нашей тюрьмы.

— Эй, ты! — сурово прикрикнул на него Писклявый. — А ну хватит!

— Заставьте меня, — гордо произнес мальчик и посмотрел ему прямо в глаза.

— Хошь, чтоб я тя заставил?! — Писклявый подскочил на ноги. — Мнишь себя важ-

ным парнем, а? Ну я те покажу, ты у меня попляшешь!

Он стиснул кулаки и подошел к Тьюксбери, повернувшись ко мне спиной.

Я снова приподнялась и извернулась так, чтобы запястья касались стальной пластины корсета.

Писклявый со всей силы пнул юного лорда в ногу.

Тьюксбери не издал ни звука, а я чуть не вскрикнула. Мне хотелось напасть на злодея, схватить его, остановить! Я совершенно потеряла голову и принялась с утроенной силой пилить веревку; казалось, руки вот-вот выскочат из пазов, как у шарнирной куклы.

Я услышала, как что-то порвалось. Мне стало невыносимо больно.

Писклявый снова ударил Тьюксбери.

— Продолжайте, — сказал ему мальчик. — Мне нравится. — Однако по его сдавленному голосу было ясно, что он лжет.

Руки у меня ныли так, словно я сломала кость, а не разрезала свои путы, но в следующую секунду перед лицом возникли ладони, посиневшие и окровавленные, как будто

чужие. С запястий свисали обрезки пеньковой веревки.

— Так те нравится? Ну поглядим, как ты щас запоешь! — крикнул наш омерзительный сторож и в третий раз, особенно сильно, ударил лорда Тьюксбери.

На этот раз мальчик хныкнул.

В ту же секунду я поднялась. Ноги у меня оставались связанными, но идти никуда и не требовалось: Писклявый стоял прямо передо мной. Я машинально схватила крупный камень из балласта еще до того, как негодяй занес ногу для очередного удара, и сразу же одним уверенным движением обрушила на него свое примитивное оружие.

Писклявый беззвучно рухнул на пол, расплескав трюмную воду. Он не шевелился.

Я уставилась на него словно в забытьи.

— Дура, развяжи мне руки! — крикнул лорд Тьюксбери.

Сраженный камнем сторож лежал неподвижно, но он дышал.

— Развяжи меня, тупица!

Вопли маркиза вернули меня к реальности, и я повернулась к нему спиной.

— Что ты делаешь, глупая?!

Я пыталась сохранить остатки благопристойности, но признаваться в этом и не думала. Расстегнув пуговицы на лифе, я достала из переднего «хранилища» складной ножик, который заранее взяла из набора для рисования и спрятала в «подкладку для груди» вместе с карандашом и несколькими листами бумаги. Застегнувшись, я нагнулась и разрезала веревки на лодыжках.

Из-за моей пышной черной юбки лорд Тьюксбери не видел, чем я занимаюсь, и вскоре перешел от оскорблений к мольбам:

— Пожалуйста, прошу тебя! Я же понял, что ты задумала, и помог, разве не так? Умоляю...

— Тс-с. Одну минуту.

Я развернулась, перешагнула через неподвижного стража и склонилась над маркизом. Одним ловким движением я разрезала веревку у него на запястьях и отдала ему нож, чтобы он сам высвободил ноги. Кровь с запястий я вытерла о юбку безнадежно испорченного платья и осмотрела порезы. Они были не слишком глубокими, а значит, не особенно опасными. Потом проверила

прическу. Аккуратный пучок растрепался и развалился, и волосы падали мне на плечи. Я выудила из них несколько невидимок и попыталась закрыть с их помощью дыру в платье.

— Брось! — вскричал виконт Тьюксбери. Он уже поднялся на ноги и сжимал в кулаке открытый складной нож как оружие.

Разумеется, он был прав: сейчас не время заботиться о внешнем виде. Я кивнула и подошла к лестнице, ведущей на свободу, и мальчик последовал за мной. Там мы остановились в нерешительности и покосились друг на друга.

— Дамы вперед? — неуверенно произнес его светлость.

— Я готова уступить джентльмену, — ответила я, и вовсе не потому, что на палубе нас могла поджидать опасность, а потому что мне не хотелось, чтобы он лез за мной и смотрел мне под юбку.

Тьюксбери кивнул и начал карабкаться вверх по лестнице, не выпуская ножа.

Он приоткрыл люк, и меня ослепил яркий свет. Ночь прошла, и наступило утро — или, вероятно, уже день, точно я не знала.

Я моргнула, привыкая к солнцу, и сощурилась. Тьюксбери высунул голову наружу и осмотрелся. Затем он осторожно откинул крышку, вылез на палубу и жестом поманил меня к себе.

Я поспешила за ним, и у самого верха он подал мне руку. Несмотря на то что до этого виконт успел обозвать меня дурой, тупицей и глупой меньше чем за минуту, крупницы воспитания в нем имелись. Он мог сбежать один, и поступил бы довольно разумно. Но мы томились в заключении вместе, и нам казалось вполне закономерным сбежать вместе. Мне даже в голову не приходило его бросить — и ему, судя по всему, тоже.

Оказавшись у верхней ступеньки, я взяла его за руку, как вдруг...

С палубы раздалось грубое ругательство — мне бы такое и в страшном сне не приснилось. Я вытянула шею и увидела высокого здоровяка, который вышел из каюты совсем неподалеку и теперь спешил к нам.

Этот достойный, точнее совершенно недостойный, господин был одет во фланелевое нижнее белье кроваво-красного цвета.

Я завопила.

— Скорее! — Тьюксбери поднял меня в воздух и выудил из трюма. — Беги!

Он встал между мной и Здоровяком, выставив перед собой перочинный нож.

— Ты тоже, — сказала я и, приподняв юбки выше колена одной рукой, другой схватила маркиза за ворот и побежала к краю лодки. В конце концов я его отпустила, и мы вместе перепрыгнули с борта на шаткий пирс, чудом не рухнув в воду. Я подхватила юбки уже обеими руками и помчалась по узким подгнившим доскам.

— Далеко вам не уйти! — гремел за нами яростный голос. — Сейчас накинута на себя что-нибудь и доберусь до вас!

Я всегда была долговязой, с длинными ногами, и бегать мне нравилось, но длинное платье очень мешало, а ориентироваться в лабиринте позеленевших от влаги пирсов было практически невозможно. Зловонные воды Темзы, причалы, узкие мостки, еще вода, преграждающая нам путь к складам и тавернам...

— Куда... бежать? — выдохнул Тьюки. Я больше не могла называть его ни лордом, ни виконтом, ни сыном герцога. Теперь он

был моим товарищем по несчастью. Тьюки едва поспевал за мной и тяжело дышал.

— Не знаю! — честно ответила я.

Мы оказались в тупике, окруженные черной как смоль водой, на скользких досках. Мы рванулись было в другую сторону, но и там путь преграждала вода. Я затряслась от страха. Упасть в реку для меня означало верную смерть; я бы, несомненно, утонула. И Тьюки вряд ли умел плавать. Но у нас не оставалось времени на раздумья. Наш враг выскочил из каюты, на этот раз в более или менее приличной одежде, и зарычал:

— Убью обоих!

Словно разъяренный медведь, вышедший из берлоги, он рванулся вперед и прыгнул с судна в лабиринт пирсов.

Более того — за ним следовала небольшая, скрюченная фигурка, походившая на голодного пса, который хвостиком ходит за нищим. Очевидно, я ударила Писклявого недостаточно сильно.

— Прыгай! — взывала я и буквально перелетела на соседний пирс. Юбки взмыли в воздух.

Он закачался подо мной, но мне удалось сохранить равновесие. Только я перевела дыхание, как доски снова затрещали, причем сильнее прежнего — рядом со мной приземлился Тьюксбери. Сил кричать у меня не оставалось, и я издала слабый писк. Тьюки схватил меня за руку и крикнул:

— Бежим!

Теперь он вел меня за собой. Правая рука у него дрожала; мой складной нож он, видимо, потерял. Я снова задрожала всем телом, услышав тяжелые шаги головорезов за спиной.

— О боже! — выдохнула я, когда мы добежали до края пирса и снова оказались в тупике.

Тьюки тихо выругался.

— Ай-яй-яй, — пожурела его я и снова взяла дело в свои руки. — Сюда!

Наконец мы выбрались на твердую землю и дорогу из булыжников, кирпичей и цемента. Но наши преследователи тоже сошли на берег, и им до нас было рукой подать. Я видела кровь, стекающую по лбу Писклявого, и его налитые кровью глаза, жесткие волосы в ушах Здоровяка и его побагро-

вевшее от ярости круглое лицо. Красная луна — дурной знак.

Не буду скрывать — я снова завизжала как подстреленный кролик. Не разбирая дороги и не выпуская руки Тьюки, я помчалась по узкой улочке и завернула за угол.

— Скорее!

Мы лавировали между нагруженными телегами и взмысленными упряжными лошадьми, пока не добежали до следующего поворота.

К тому моменту я совершенно выдохлась и вся взмокла от пота, тем более что день был жаркий, а негодяи все еще нас преследовали.

Тьюки отставал. Я тащила его за собой, понимая, какую боль ему причиняет каждое движение. Его босые стертые ступни ударялись о твердые камни, а дорога к тому же шла в гору.

— Ну же, скорее! — взмолилась я.

— Не могу, — выдохнул Тьюки и попытался выдернуть руку. Я усилила хватку:

— Наверняка можешь. Ты обязан.

— Ты... беги. Спасайся.

— Нет.

Я постаралась успокоиться и трезво оценить ситуацию. Судя по всему, мы покидали царство причалов, телег и складов. Перед нами открылась бедная улочка с ветхими домишками и небогатыми лавками рыбника, ростовщика, починщика зонтов. Уличные торговцы кричали:

— Живые мидии, живые устрицы!

— Сладкое мороженое! Холодное земляничное мороженое!

Были там и прохожие: дворник с запряженным в телегу ослом, рабочие с тачками металлолома, девушки в чепчиках и фартуках, некогда белых, а теперь схожих по цвету со шляпками грибов. Они не спешили нам помогать, но их было не так много, чтобы они вовсе не заметили босого мальчишку и лохматую девчонку без шляпы и в окровавленном платье вдовы.

— Хватайте их! Воры! — проревел Здоровяк. — Остановите этих пройдох! Злодеи! Карманники!

На нас с Тьюки сразу устремились любопытные взгляды. Мы пробегали мимо магазинчиков с разнообразным барахлом: подержанной мебелью, ношеной одеждой,

подновленными шляпками и залатанной обувью. Из тумана жара и ужаса то и дело возникали чужие лица и через мгновение оставались позади.

Одно из них показалось мне знакомым, но я не сразу вспомнила, где его видела.

Прошло несколько секунд, и меня озаарило:

— Тьюки! Быстрее!

Я свернула в узкий переулок между двумя полуразвалившимися пансионатами, обогнула коровий сарай, пробежала через пахучие конюшни за домами, где воняло ослами, козами, гусями и курицами. Еще поворот...

— Вам от меня не уйти! — раздалось за сараем. Погоня наступала нам на пятки.

— Сдавайтесь! — взвизгнул Писклявый.

— Дура! — выкрикнул Тьюксбери, очевидно обращаясь ко мне. — Зачем ты носишься кругами?! Они нас поймают!

— Скоро поймешь. Давай за мной.

Я отпустила его руку и, попрощавшись с остатками скромности, торопливо растегнула пуговицы на груди. На бегу я выудила из подкладки на грудь одну хрустящую купюру и зажала ее в кулаке, а затем завер-

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

нула за угол и поспешила к лавке поношенной одежды.

Хозяйка стояла на пороге, наслаждаясь прохладным ветерком и видом на улицу. Стоило ей нас завидеть, как блаженное выражение ее лица сменилось тревогой. Сейчас она была скорее похожа не на малиновку или жабу, а на мышку, зажатую лапой кошки.

— Нет! — ахнула она. — Нет, Резак меня пришьет! Моя жизнь столько не стоит...

На разговоры времени не было. Еще секунда — и наши преследователи выбегут из-за угла и снова нас увидят. Я впихнула сто фунтов в руки миссис Калхейн — судя по всему, так ее звали, — схватила Тьюки за рукав и втащила за собой в лавку поношенной одежды Калхейна.

Глава четырнадцатая

Совершенно выдохшиеся, мы забежали в сумрачное, грязное, захламленное помещение. Там было душно и жарко как в печке. На одной из стен висели длинные плащи и накидки, и мы поспешили скрыться за их темными силуэтами. Я наблюдала за входной дверью, дрожа и сжимая кулаки, гадая, возымела ли эффект моя взятка.

— Спрячься под стол! — прошептал Тьюки.

Я помотала головой. Из окна мне было видно, как собравшийся народ расходится, а круглолицый головорез и его худощавый напарник несутся по улице и злобно оглядываются по сторонам. Здоровяк схватил

за ворот проходящего мимо парня так, что у того чуть не оторвались ноги от земли, и заорал ему прямо в лицо. Бедняга показал пальцем в нашем направлении.

А куда ушла миссис Калхейн, я не знала.

Вдруг она снова появилась и встала спиной ко входу. Теперь хозяйка лавки походила на черепаху с панцирем в клеточку и в фартуке с лентами, завязанными на кривоватый бантик.

Наш луноликий враг и его поделщик подошли к миссис Калхейн и нависли над ней. Даже Писклявый, хоть и горбился, был выше ее ростом. И взгляды у них были такие яростные, что я бы на месте хозяйки не выдержала напора.

Однако приземистая карга и с места не сдвинулась, затыкая собой проход, как пробка бочку. Она покачала головой и махнула куда-то вдаль.

Мне на секунду показалось, что залитый солнцем дверной проем — это великолепный нимб над ее головой.

Злодеи развернулись и убежали прочь.

Вцепившись в чей-то старый плащ, чтобы не упасть, я съехала вниз по стене и вздохнула с облегчением.

Тьюки сложился пополам словно уторь и осел на пол.

Миссис Калхейн не стала сразу заходить в лавку и еще немного постояла перед дверью, что было очень разумно с ее стороны. К тому времени как она вернулась, я успела отдышаться, нашла в служебном помещении кран с водой, намочила прямоугольный отрезок выцветшей фланелевой ткани красного цвета и приложила к лицу Тьюки. Когда он приподнялся с пола и сел прямо, я занялась его измученными ступнями. Вытерла тряпкой кровь и грязь, стараясь не давить слишком сильно, чтобы не потревожить ранки и мозоли. Как раз в тот момент наша жабоподобная спасительница зашла в лавку, заперла за собой дверь, опустила жалюзи и заковыляла к нам.

— Ну что, — сказала она. — То ты горюющая вдовушка, то простоволосая девчонка, за которой гонятся Резак и Писклявый.

— Вот как? Кто эти джентльмены? Боюсь, нас друг другу не представили.

— Еще бы. А эта тряпка, которой вы ноги вытираете, — мой компресс на живот.

Я выпрямилась:

— Помилуйте, я же вам заплатила!

Миссис Калхейн посмотрела на меня, и на лице ее не было и тени прежней улыбки, которую я видела в поезде, а голос не звенел как у малиновки, и «уточкой» она меня не называла.

— Это все ушло на соседей. На тех, кто вас видел.

Про себя я подумала, что отчасти это правда: она уходила договариваться со свидетелями и торговаться за их молчание.

Но только отчасти. По хитрому блеску глаз было ясно, что на соседей ушло всего несколько шиллингов или фунтов, не более того.

Впрочем, вид у нее был донельзя серьезный и мрачный, когда она добавила:

— Надеюсь, ты понимаешь, что этого недостаточно. Если Резак узнает, что я вас прикрыла, он из меня душу вынет, гадать тут нечего. Я ради вас жизнью рискую.

— Если вы обеспечите нас всем необходимым, получите еще, — сказала я.

На следующий день мы с Тьюки выскользнули из лавки через заднюю дверь, окрепшие и преображенные. Накануне мы укрылись в скромной кухне миссис Калхейн — она обитала в трех комнатах на втором этаже над магазинчиком — и с благодарностью уплели ее комковатую кашу. Я спала на вонючем диване, Тьюки — на пуховом одеяле на полу. Помылись по-простому, обтершись мокрой губкой. Ступни Тьюки мы смазали бальзамом, предназначенным для коровьего вымени, и забинтовали. Свои тряпки сожгли в кухонной печи и облачились в подержанную одежду из лавки Калхейна.

Мы не разговаривали, не называли имен. Наша хмурая спасительница не задавала вопросов, и мы не стремились рассказать о себе. Даже между собой не общались — мало ли, она подслушает. Я ей не доверяла и почти не сомневалась, что миссис Калхейн выкрадет все мои деньги, если узнает, где они хранятся. Поэтому при ней я не переодевалась, а корсет не снимала вовсе, даже перед сном. Ранее ненавистный, он стал од-

ним из ценнейших моих сокровищ и не так уж сильно мешал, если я его не затягивала. Стальные пластины спасли мне жизнь. На-крахмаленная ткань поддерживала и скрывала подкладки на грудь, попу и бедра, в которых хранились мои средства к существованию.

Я надеялась и молилась, чтобы миссис Калхейн — если ее и правда так звали — не выведала мой секрет. Мы говорили только о делах.

Есть ли в лавке не слишком поношенный мальчишеский костюм с кепкой, добротными ботинками и плотными носками?

Найдутся ли для меня блузка и широкая юбка — турнюр или годе, вроде тех, что носят машинистки и продавщицы перчаток, из практичного материала, с карманами?

А жакет с карманами, короткий и расширяющийся книзу — чтобы уместно смотрелся с пышной юбкой?

Перчатки, не слишком испорченные, шляпка, не так уж давно вышедшая из моды?

И не откажется ли миссис Калхейн немного помочь мне с прической?

Когда утром мы вышли из лавки, черная вуаль вдовы не прикрывала мне лицо, и я чувствовала себя совершенно голой, однако меня не узнали бы даже родные братья. На носу сидели очки-пенсне, будто причудливая металлическая птица, и я близоруко щурилась сквозь стекла. На лоб падала накладная челка, и вместе с пенсне она кардинально меняла мой внешний вид. Кроме того, я надела соломенную шляпку с кружевом и перьями. Такие дешевые шляпки носила чуть ли не каждая лондонская девушка, едва сводящая концы с концами.

— Остался зонтик, — сказала я миссис Калхейн, когда мы собирали мой наряд.

Она протянула мне покрашенный химическими красителями ярко-зеленый зонтик, одновременно уродливый и стильный, подвела нас с Тьюки к задней двери и протянула мне раскрытую ладонь. Я, как и обещала, вложила хозяйке в руку еще одну банкноту. Мы вышли из лавки, и миссис Калхейн молча закрыла за нами дверь.

По улице я еле плелась, как полуслепая, прощупывая землю сложенным зонтиком. Не только ради того, чтобы скрыть свою ис-

тинную личность, но и ради Тьюки: у него до сих пор ныли ступни, и хромающий мальчик вызвал бы подозрения, а так со стороны казалось, будто он идет медленно ради меня, подстраиваясь под мой шаг. Я надеялась, что никто не обратит внимания на двух прохожих в одежде не то чтобы новой, но и не чересчур поношенной, не особенно богатой, но и не бедной, и не доложит о нас Резаку.

На самом деле беспокоиться было не из-за чего. Местные жители сновали по своим делам и на нас даже не смотрели. В Лондоне, словно в громадном котле из кирпича и камня, бурно кипела жизнь. Продавец с тележкой кричал:

— Имбирное пиво! Промочите горло свежим холодненьким имбирным пивом!

Мимо катилась тачка с водой, а за ней шли мальчишки с метлами и подметали булыжную мостовую. На трехколесном велосипеде, причудливее которого я в жизни не видела, проехал курьер. Два колеса находились спереди, одно сзади, а к рулю была приделана большая коробка. На углу три темноволосых ребенка пели хором, будто

ангелочки, на незнакомом мне языке. Я подошла и бросила пенни в глиняную чашку, которую держал один из малышей. За ними возвышалась лестница, а на ней с трудом балансировал потрепанный господин с ведром клея и кисточкой. Он расклеивал объявления о ваксе для натирки обуви, эластичных компрессах от ревматизма, уникальных «безопасных» гробах¹. Господа в белых просторных пиджаках и белых штанах вешали оповещение о карантине на входную дверь одного из домов. Интересно, какие жуткие болезни и недуги приносят грязные воды Темзы? Не погибну ли я от холеры или скарлатины после того, как провела ночь в трюме лодки Резака?

Резак. Впечатляющий негодяй. В кармане, куда я положила немного денег и самых нужных вещей, у меня хранился еще и список вопросов, составленный ночью, когда мне не спалось:

¹ Безопасный гроб — специальный гроб с системой оповещения (например, колоколом, благодаря которому погребенный заживо человек может подать сигнал на поверхность) или дающий возможность самостоятельно выбраться из могилы.

Зачем Резак обыскивал поезд?

Зачем преследовал меня?

Почему решил, будто я знаю, где Тьюки?

Что ему нужно от Тьюки?

Почему он направил Пискалявому телеграмму о том, что Тьюки надо искать в порту?

Что имел в виду под «Да то же самое»?

Он промышляет похищениями?

Откуда Резак вообще узнал о Тьюки и «Грейт Истерне»?

Действительно, откуда? Я сказала об этом только инспектору Лестрейду. И астральная искательница, мадам Как-ее-там, нас подслушала.

Быть может, инспектор Лестрейд разнес новость? Конечно, рано или поздно он так бы и поступил, но сначала, несомненно, проверил бы достоверность предоставленной ему информации. А Пискалявый, судя по всему, получил телеграмму почти сразу же после нашего разговора.

Хм-м.

Об этом я размышляла, пока мы с хромым Тьюки неспешно шагали в сторону более приличного района. Там нашлось

нечто вроде парка: клочок травы и четыре дерева, под которыми гуляли дамы с колясками, а хозяин осла, околачивающийся поблизости, кричал: «Катаю на осле! Порадуйте детишек, пенни за каждого!» За парком стояли кебы. Мы могли бы нанять один, чтобы его светлость не терзал свои бедные ноги.

До сих пор мы не обмолвились ни словечком, но теперь владения Резака остались позади, и я повернулась к своему спутнику и улыбнулась.

— Ну что, Тьюки, — начала я.

— Не называй меня так.

— Ладно, лорд Тьюксбери Бэйзилверзерский или... — раздраженно процедила я, как вдруг меня осенило: — А как ты хочешь, чтобы тебя называли? Какое имя выбрал для побега?

— Я... — Он покачал головой и отвернулся. — Забудь. Это уже не важно.

— Почему? И что ты теперь будешь делать?

— Не знаю.

— Все еще хочешь уплыть в море?

Он резко развернулся и впился в меня взглядом:

— Все-то ты знаешь! Откуда? Кто ты такая? Правда, что ли, родственница Шерлока Холмса?

Я закусила губу. Пожалуй, было бы небезопасно рассказывать ему о себе. Он и так знает слишком много. К счастью, как раз в ту минуту мальчишка-газетчик, стоящий на углу рядом с кебами, завыл:

— Читайте в свежем номере! За виконта Тьюксбери Бэйзилвезерского потребовали выкуп!

— Что?! — воскликнула я. — Возмутительно!

Чуть не позабыв о том, что мне положено щуриться и с трудом разбирать дорогу, я бросилась к мальчишке и купила у него газету.

«ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ ПОЛУЧИЛО НЕОЖИДАННОЕ РАЗВИТИЕ» —

гласил заголовок, который сопровождался все тем же портретом Тьюки в образе маленького лорда Фаунтлероя.

Мы сели рядом на скамейку в парке, чтобы вместе прочитать заметку. Тьюки посмотрел на первую страницу и сдавленно ахнул:

— Моя фотография?!

— Теперь все ее видели, — язвительно сообщила я. Он ответил не сразу, и я заметила, что лицо у него залилось краской, а уши горели от сильного унижения.

— Я не хочу возвращаться, — сказал Тьюки. — Никогда не вернусь.

Все мое злорадство как рукой сняло, и я спросила:

— А вдруг тебя узнают по фотографии? Например, миссис Калхейн.

— Кто, она?! Чтобы миссис Калхейн хоть раз в жизни взяла в руки газету?! Она даже читать не умеет! В тех трущобах все неграмотные. Ты разве видела там газетчиков?

Он был прав, но признавать мне этого не хотелось, и я перешла к следующему абзацу:

События приняли неожиданный оборот, когда утром этого дня в Вэйзилвезер-холл в Вельвидере, где недавно пропал виконт Тьюксбери, маркиз Вэйзилвезерский, пришло анонимное тре-

бование о выкупе. Несмотря на удивительную находку старшего инспектора Лестрейда — посвященную морской тематике коллекцию в укрытии юного лорда на дереве...

— О нет, — прошептал расстроенный Тьюки. Я поморщилась и ничего не сказала.

...и его последующие расспросы в доках Лондона, в результате которых он нашел свидетелей, уверенных, что они видели пропавшего мальчика в день его исчезновения...

А это всего через день после моего собственного исчезновения. Сколько всего успело произойти за эти три дня с тех пор, как я покинула Фернделл-холл, даже сложно поверить!

...выяснилось, что виконт, наследник титула и богатства рода Вэйзилвезер, в самом деле был похищен. С утренней почтой пришла записка, составленная из вырезанных из газет букв, с требованием выплаты крупной суммы, обнародовать которую семейство не счи-

тает нужным. Полиция, не располагая никакими доказательствами касательно похищения, советует воздержаться от выплаты, однако известный медиум и астральная искательница мадам Лелия Сивилла де Мак, прибывшая поддержать семью пропавшего маркиза, рекомендует выплатить нужную сумму в золотых соверенах и гинеех, как того требует записка, поскольку духи нашептали ей, что юный виконт Тьюксбери действительно похищен, жизнь его в опасности и лишь полное содействие родных поможет спасти мальчика. Мадам Лелия...

На этом заметка не заканчивалась, но я бросила чтение и уставилась невидящим взглядом на стоянку кебов прямо перед нами. Легких двухколесных экипажей, неуклюжих, но просторных пролетов, коней с лоснящейся шерстью и тщедушных кобыл, жующих овес из привязанных к мордам торб, представительных кебменов и бедно одетых кучеров, прогуливающих вдоль парка в ожидании клиентов, сейчас для меня не существовало. Я силилась вспомнить, как выглядит мадам Лелия, но за прошедшие три дня ее образ истерся

в памяти, и на ум приходили только красные волосы, круглое лицо, крупное, мощное тело, большие руки, желтые лайковые перчатки...

Мои размышления прервал тихий голос:

— Я должен вернуться.

Я повернулась к юному Тьюки, бледному и красивому, и мы встретились глазами.

— Я должен вернуться домой, — повторил он. — Не позволю этим негодяям обкрадывать мою семью.

Я кивнула:

— Значит, ты не знаешь, кто отправил им эту записку.

— Нет.

— И тоже считаешь, что они продолжают на тебя охотиться.

— Как и на тебя. Да, я в этом уверен.

— Лучше нам обратиться в полицию.

— Наверное... — ответил Тьюки и отвел глаза.

Какое-то время он молча смотрел на носки своих новых ботинок — условно новых, поскольку они были сшиты из кожаных обрезков старой обуви.

Я ждала.

— Все равно в моих мечтах все было иначе, — наконец заговорил он. — Это я про верфи. Вода грязная. Люди тоже. А тех, кто следит за собой, они презирают и считают заносчивыми. На таких даже попрошайки плюют. У меня украли деньги, ботинки и даже чулки. Совсем бесстыжие крадут даже у ползунов.

— Ползунов?..

— Или дремал, так их тоже называют, потому что они почти всегда дремлют. Никогда не видел более убогих нищих. — Тьюки понизил голос. — В основном это старухи, оставшиеся ни с чем, которые не могут встать на ноги. Они сидят на ступеньках рабочих домов в полузабытьи, прилечь им негде, у них, полумертвых, даже нет сил попрошайничать, а если им кто даст пенни на чай, ползут его купить.

У меня защемило сердце, и я вспомнила лысую старуху с язвами на голове, которая ползла передо мной по тротуару.

— Потом они ползут обратно, — продолжил Тьюки, говоря все тише, и голос у него дрожал. — И снова садятся на ступеньки. Три раза в месяц их кормят и дают выпать-

ся в работном доме. Три раза! А если потребуют большего, их запрут и заставят три дня заниматься тяжелым физическим трудом.

— Что?! Я думала, в работных домах несчастным помогают!

— Я тоже так думал. Пошел туда попросить пару обуви, а они... Обсмеяли меня и пбили палкой. Выгнали. А потом... Этот кошмарный головорез...

При воспоминании о Писклявом на глаза Тьюки навернулись слезы. Он умолк.

— Я рада, что ты решил вернуться домой, — сказала я после недолгой паузы. — Твоя мать будет вне себя от счастья. Знаешь, она все глаза выплакала.

Он кивнул, не спрашивая, откуда я это знаю, очевидно, смирившись с тем, что мне все-все-все известно.

— Я постараюсь ей объяснить, что тебе не хочется ходить в костюме лорда Фаунтлероя.

— Какая разница, в какой я буду одежде. Как же я не знал...

Он затих. Наверное, все еще думал о дремалах, бедных полумертвых старухах, ползающих по лондонским трущобам. Или

НЭНСИ СПРИНГЕР

о своих измученных ступнях и натертых мозолях, о Писклявом, о том, как его побили палками...

За два дня, проведенных в Лондоне, я тоже узнала много такого, о чем раньше не подозревала.

И теперь мои невзгоды и несчастья казались мне ерундой.

Я встала со скамьи и окликнула одного из кебменов. Экипаж я выбрала открытый, двухколесный; мне хотелось проехаться в шикарном кебе. Тьюки подал мне руку как настоящий джентльмен и помог забраться на сиденье, а я крикнула извозчику:

— В Скотленд-Ярд!

Глава пятнадцатая

Помимо сопровождения тьюки у меня была в Скотленд-Ярде и другая задача.

— Какая красота! — воскликнул Тьюкс-бери, любуясь городом с сиденья двухколесного экипажа, который мы наняли. Лошадь бежала рысью, и упряжь весело позвякивала.

Я же углубилась в свои мысли, посвященные Резаку и мадам Лелии Сивилле де Мак. Доказательств у меня не было, но чем дольше я анализировала факты, тем яснее становилось, что они оба замешаны в деле о похищении. Отсюда предположение: астральная искательница рассказала обо мне Резаку. Кто бы еще это мог быть?

Сторож, герцогиня, горничные? Вряд ли. Из всех, кто встретился мне в Бэйзилвезер-холле, мои рассуждения о том, куда сбежал Тьюксбери, слышали только инспектор Лестрейд и мадам Лелия. Кто-то из них связался с Резаком, чтобы тот отправил телеграмму Писклявому. И это точно был не Лестрейд. Вывод: остается лишь мадам Лелия.

— Раньше я не понимал, почему возница сидит так высоко и далеко от лошади, а теперь понимаю. Это чтобы ему ничего не загромождало вид на дорогу, — сказал Тьюки.

— М-м, — промычала я в ответ, с мрачным видом размышляя о мадам Лелии. Медиум делала вид, будто она на стороне ангелов, а сама помогала демонам: Резаку и Писклявому. У них была своя схема: головорезы похищали жертву, мадам Лелия приезжала «поддержать» родных и уговаривала раскошелиться на выкуп, и в результате и Резак с Писклявым получали прибыль, и мадам Лелии щедро платили за то, что она «связывалась с духами и выясняла, где находится пропавший». Все трое мерзавцев промышляли похищениями и получали от

этого выгоду. В случае с Тьюки вышло иначе: он сам сбежал, и преступники этим воспользовались, чтобы его похитить.

Я не знала, как рассказать об этом полиции, не поставив свое инкогнито подугрозу, но не сомневалась, что обязана остановить злодеев.

— Так приятно, когда в жаркий день тебя обдувает ветерок! — заметил Тьюки.

Несносный мальчишка, сколько можно трещать, как сорока! Я поджала губы и выудила из кармана юбки карандаш и сложенный листочек бумаги. Лист я поспешно и даже сердито положила на колени и набросала шаржированный портрет. Тьюки заметил, кого я рисую, и притих.

— Это Резак, — прошептал он.

Я молча завершила эскиз.

— Точно Резак, и волосы, и уши его. Ничего себе! Где ты научилась так рисовать?

Ничего не отвечая, я перевернула сложенный лист и на чистой стороне изобразила другого человека. Из-за того что я была взвинчена и настроена решительно, у меня получалось рисовать свободно, не задумываясь над пропорциями, и карандаш летал

по бумаге, воспроизводя образ из глубины сознания.

— Кто это? — спросил Тьюки.

И на этот раз я не ответила. Только дорисовала портрет крупной представительной дамы и развернула листок, чтобы рассмотреть оба эскиза. Карикатура бандита и карикатура медиума оказались бок о бок друг с другом.

Тут-то меня и осенило.

Ну конечно! Чтобы выдать себя за женщину, нужно надеть парик, всевозможные подкладки, подушечки и корсеты и скрыть свою истинную сущность за платьем, шляпкой и перчатками. Кому, как не мне, этого не знать!

Тьюки тоже обо всем догадался.

— Это один и тот же человек, — прошептал он.

Очевидно, ярко-красный парик был призван отвлекать внимание от лица и скрывать волосатые уши. Похожую задачу выполнял макияж на глазах, ресницах и губах. Ни одна достойная леди не стала бы наносить на лицо столько краски, но ничего сложного

тут не было. Тем более что «Лелию» нельзя было назвать ни достойной, ни леди.

Тьюки показал пальцем на мои рисунки и спросил:

— Если это Резак, то это кто?

Я ответила, хотя ему это имя ничего не говорило:

— Мадам Лелия Сивилла де Мак.

* * *

— Плевал я, хоть ты принц Уэльский, — сказал сержант полиции, даже не поднимая на нас глаз. — Будешь ждать, как и все, своей очереди. Присаживайся.

Не отрываясь от своих бумаг и пресс-папье, он махнул мясистой рукой на коридор за его письменным столом.

Я улыбнулась Тьюки. Он только что представился виконтом Тьюксбери Бэйзилверзерским и теперь не знал, смеяться ему или плакать.

— Я подожду вместе с тобой, — пообещала я шепотом.

«А пока мы здесь, займусь еще и своими делами», — подумала я. Потому что план,

разработанный мною по пути от Кайнфорда до Бельвидера, теперь никак не клеился.

Мы с Тьюки опустились на скамейку — их, холодных и твердых, вдоль стены, покрытой темными деревянными панелями, стояло целое множество. Даже в церкви сиденья не были такими неудобными.

— Тебе повезло, у тебя есть мягкие подкладки, — проворчал Тьюки.

Он хоть думает, что говорит?!

— Тише! — прошипела я.

— Не надо меня затыкать. Лучше скажи, кто ты такая.

— Нет.

В коридоре собралась целая очередь желающих обратиться в полицию, и я старалась говорить негромко. Правда, они были так заняты своими разговорами и невзгодами, что никто на нас и не смотрел.

Тьюки тоже понизил голос:

— Но ты, похоже, жизнь мне спасла. Или хотя бы честь. Ты... Ты столько всего для меня сделала. Я хочу тебя отблагодарить. Так кто ты?

Я покачала головой.

— Почему наряжаешься как старая дева?

— Дрянной мальчишка, следи за языком!

— Дрянная девчонка, неужели я никогда не узнаю твоего имени?!

— Тс-с! — Я надеялась, что так оно и будет, но вслух этого не сказала. Вместо этого я снова шикнула на Тьюки и схватила его за предплечье. В конце коридора открылась дверь, и я увидела знакомое лицо.

Два знакомых лица.

На мгновение мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок, и корсет здесь был ни при чем.

Господи, спаси!

Инспектора Лестрейда я не испугалась. Было очевидно, что он может нам встретиться в Скотленд-Ярде, и я не сомневалась, что Лестрейд не узнает во мне облаченную в траур вдову, которую видел всего раз в Бэйзилвезер-холле.

Нет, душа у меня ушла в пятки, когда я увидела его собеседника — Шерлока Холмса.

Я приказала себе дышать ровно, сидеть расслабленно, слиться с темной деревянной стеной, гравюрами в рамках и жесткой скамейкой подобно тому, как серая куропатка

сливается с низкими кустарниками. Пожалуйста, только бы они меня не заметили! Если хоть один из них меня узнает, дни моей свободы будут сочтены.

Лестрейд и Шерлок неспешно шагали в нашу сторону, увлеченные разговором, и поскольку мой брат был намного выше похожего на хорька инспектора, ему приходилось нагибаться к собеседнику. Я опустила глаза в пол, отпустила предплечье Тьюки, сцепила руки в замок и спрятала их в глубокие складки на юбке.

— ...никак не можем разобраться в Бэйзилвезерском деле! — донеслось до меня восклицание Лестрейда. — Мне бы хотелось, чтобы вы помогли нам с ним, Холмс.

— Холмс?! — ахнул Тьюки и расправил плечи. — Это он? Знаменитый детектив?!

— Пожалуйста, замолчи, — прошептала я.

Очевидно, он почувствовал напряжение в моем голосе, потому что все-таки послушался.

Тем временем Шерлок отвечал Лестрейду:

— На поиски моей сестры вы тратите не так много сил и посылаете не так много полицейских, как мне бы хотелось.

Говорил он ровно, но голос его звучал натянуто, как струна скрипки. Нечто едва заметное, нечто невысказанное в тоне брата заставило мое сердце екнуть.

— Я бы с радостью, мой дорогой друг, — с сочувствием, но, как мне показалось, еще и со злорадством ответил Лестрейд. — Если бы у нас было от чего отталкиваться...

— Дворецкий подтвердил, что в эти десять лет наша мать не нарисовала ни одного портрета — ни своего, ни дочери. Черт бы ее побрал.

— Что ж, у нас есть карикатура авторства вашей сестры, — ответил Лестрейд, и в этот раз в его голосе отчетливо слышалось ликование.

Шерлок схватил его за руку, и они остановились прямо перед скамейкой, на которой сидели мы с Тьюки. Благодаря провидению, а быть может, слепой удаче, Шерлок оказался ко мне спиной.

— Послушайте, Лестрейд, — начал Шерлок не то чтобы грубо, но напористо, требуя

полного к себе внимания, и меня переполнило восхищение братом. — Знаю, вам нравится попирать мою честь, и вы считаете, что исчезновение матери и сестры — пятно на моей репутации, ведь я не могу найти мать и получаю новые сведения о сестре от вас, но...

— Уверяю вас, — ответил Лестрейд, быстро моргая и отводя глаза, — ни о чем подобном я не думал.

— Чушь. Вы делаете все, на что способны, и я вас в этом не виню. — Он тут же отмахнулся от своего запутанного высказывания рукой в черной перчатке и снова впился взглядом в инспектора. — Лестрейд, поймите: леди Евдорию Верне Холмс можно вычеркнуть из вашего списка. Она знала, что делала, а если попала в переплет — что ж, виновата сама.

Сердце защемило от боли. Тогда я еще не знала о разрушительной слабости моего великолепного брата и не понимала, что вымолвить столь жестокие слова его заставила меланхолия.

— Энола Холмс — совсем другое дело, — продолжал Шерлок. — Моя сестра ни в чем

не повинна. Ее обделили вниманием, воспитанием, образованием. Она простая девочка, мечтательница. Это я виноват, что оставил ее заботам брата, Майкрофта. Он умен, да, но отнюдь не терпелив. Ему не понять, что для обучения жеребенка нужен не только кнут, но еще и пряник. Неудивительно, что Энола сбежала, ведь природа одарила ее сильным духом, а не цепким умом.

Я сердито нахмурилась.

— Она показалась мне вполне смысловой, когда я с ней разговаривал, — возразил Лестрейд. — Обвела меня вокруг пальца. Я был готов поклясться, что ей не меньше двадцати пяти. Уравновешенная, вдумчивая девушка с приятной речью...

Морщины у меня на лбу разгладились. Лейстрейд начинал мне нравиться.

— Вдумчивая — пожалуй, и с богатым воображением, но не лишенная слабости, присущей ее полу: безрассудности. Зачем, к примеру, она представилась сторожу своим именем? — спросил Шерлок.

— Возможно, виной тому бесстрашие и желание попасть на территорию поместья. В конце концов, она повела себя более

чем разумно, уехав в Лондон, где найти ее будет труднее всего.

— И где даже с девушкой двадцати пяти лет может произойти все, что угодно. А моей сестре всего четырнадцать.

— И где, как я уже говорил, что угодно может произойти с мальчиком совсем юным: сыном герцога Бэйзилвезерского! — парировал Лестрейд.

Тьюки громко кашлянул и встал со скамейки.

Как видите, у меня не было ни времени, ни выбора.

Я сбежала.

Пока инспектор и великий детектив главели на мальчика в скромной одежде, моргали и разевали рты, пока до них доходило, кто он такой, я поднялась и тихонько ушла. Только взглянула мельком на лицо брата — ведь говорят, что Шерлока Холмса ничем не удивишь, а сейчас он выглядел ошеломленным, и я хотела насладиться этим моментом. Но недолго; сделав несколько шагов по коридору, я юркнула в ближайшую дверь и осторожно закрыла ее за собой.

В комнате, точнее кабинете, стояли письменные столы — все пустые, за исключением одного.

— Прошу прощения, — обратилась я к молодому констеблю, когда тот оторвался от своих бумаг и поднял голову посмотреть, кто вошел. — Сержант просит вас подойти к столу дежурного.

Скорее всего, он предположил, что меня недавно взяли в Скотленд-Ярд стенографисткой или еще кем. Констебль молча кивнул, поднялся и вышел из кабинета.

Я тоже вышла, только через окно. Приподняла юбки, запрыгнула на подоконник так же, как обычно садилась на велосипед, и спрыгнула на тротуар. Конечно, меня заметили прохожие, но я на них не смотрела и держалась так, будто ничего из ряда вон выходящего не произошло и люди то и дело покидают Скотленд-Ярд через окна. Пенс не я сняла и бросила под копыта крупной лошади, которая бежала трусцой по улице. А потом расправила плечи и поспешно удалилась, как и полагается настоящей деловой леди. На углу как раз вовремя затормозил омнибус. Я заплатила за билет и расположи-

лась на крыше рядом с другими лондонцами. На Скотленд-Ярд я даже не оглянулась. Вероятно, Шерлок и Лестрейд еще засыпали Тьюки вопросами, когда омнибус тронулся и покатился прочь.

* * *

Конечно, я не сомневалась, что вскоре они нападут на мой след. Тьюки расскажет о том, как сбежал от Резака вместе с девочкой, переодетой вдовой. Девочкой по фамилии Холмс. Вот сейчас, в этот момент, он наверняка поворачивается, чтобы представить ее инспектору. Но вместо меня Тьюки увидит лишь безвкусный зеленый зонтик и две карикатуры, которые я оставила на скамейке. Надеюсь, они вместе с Лестрейдом разберутся, что означают эти эскизы.

Мне было жаль вот так внезапно расставаться с Тьюки, не попрощавшись.

Но что поделаешь! Я должна отыскать маму.

Еще мне было жаль, что я не смогла провести больше времени с Шерлоком, пусть он бы меня и не узнал. Мне хотелось смотреть на него, слушать, восхищаться. Я искренне

по нему скучала, и меня снедала тоска, словно я была божьей коровкой, которая стремилась улететь на родное небо.

Только мой великий брат не желал искать маму. Чтоб ему пусто было! Божья коровка в моей душе сложила крылышки, и сердце заныло.

Впрочем... Может, оно и к лучшему. Шерлок с Майкрофтом заставили бы маму вернуться в Фернделл-холл, а ей явно не хотелось там находиться. Когда... Не если, а когда я с ней встречусь, не буду просить ни о чем, что сделало бы ее несчастной. Я ищу маму не для того, чтобы лишить ее свободы.

Мне просто хочется, чтобы у меня была мама.

Вот и все.

Хочется поддерживать с ней связь. Видеться время от времени, пить вместе чай, разговаривать. Знать, где она и как у нее дела.

Хотя в глубине души я переживала, не случилось ли с ней что-нибудь плохое, мне больше нравилось представлять, что мама в безопасности в чудесном месте, где нет ни корсетов, ни турнюров — возможно, даже

шляпок и сапожек. Там, где повсюду зелень и цветы. Забавно, что я, следуя ее примеру, сбежала не к зеленым просторам, а в этот город-помойку, где еще не успела увидеть ни дворца, ни золотых карет, ни дам в мехах и бриллиантах, зато встретила больную стригущим лишаем старуху, ползущую по тротуару.

Наверняка с мамой бы такого не произошло.

Правда же?

Оставалось только надеяться на лучшее; и мне следовало что-нибудь предпринять, пока всю полицию Лондона не поднимут на мои поиски.

На следующей остановке я торопливо выскользнула из омнибуса, прошла один квартал пешком и наняла кеб. Четырехколесный, закрытый — чтобы никто меня не увидел. И назвала кебмену адрес:

— Флит-стрит.

Кеб ехал по оживленной дороге, лавируя между телегами и экипажами, а я тем временем достала бумагу с карандашом и составила послание:

СПАСИБО МОЯ ХРИЗАНТЕМА ТЫ ЦВЕТЕШЬ?
ПРОШУ ОТПРАВЬ ИРИС

Из «Тайного языка цветов» я запомнила, что ирис означает «послание». Ирисы в букете побуждают получателя задуматься над значением других цветов. Богиня Ирида, по-гречески Ирис, передавала послания между Олимпом и Землей, перелетая по радужному мосту.

К сожалению, большинство абзацев из «Тайного языка цветов» не отложилось в моей памяти. Непременно надо будет добыть копию этой книги, когда я найду жилье.

Я с горечью подумала о другой, невозместимой потере — брошюрке с шифрами, которую мама сделала своими руками, моем сокровище, которое напоминало мне о ней. Что сделал с брошюрой Резак, я, вероятно, никогда не узнаю.

(По крайней мере, так я тогда думала.)

Однако вряд ли она мне пригодится.

(Опять же: я так думала.)

Вернувшись к своему посланию, я переписала его наоборот:

СИРИЬВАРПТОУШОРП? ЪШЕТЕВ
ЦЫТАМЕТНАЗИРХЯОМОБИСАПС

Потом разделила на равные части и написала зигзагом:

СРЬАПОШР? ШТВЫАЕНЗРЯМБСП
ИИВРТУОПЬЕЕЦТМТАИХООИАС

Покачиваясь на сиденье в такт экипажу, я поменяла строчки местами. Это послание я собиралась поместить в колонку объявлений «*Пэлл-Мэлл Газетт*», свежие номера которой мама почти никогда не пропускала, а также в другие издания, которые ей нравились, в том числе «*Удобное платье*» и «*Современную женственность*». Шифр у меня в результате получился следующий:

«Корень лианы ИИВРТУОПЬЕЕЦТМТАИХООИ-
АС стебель лианы СРЬАПОШР? ШТВЫАЕНЗРЯМБСП
твоя Лиана».

Я знала, что мама не удержится, увидев зашифрованное послание, и непременно попытается его разгадать.

Знала я и то, что мой брат Шерлок любит читать раздел с объявлениями в ежедневных газетах и тоже обратит на него внимание.

Но он не знал, как лиана оплетает забор, и поэтому у него не было ключа к шифру.

И даже если бы Шерлок его разгадал, то не понял бы, в чем смысл послания и кто поместил его в газете.

Помню, давным-давно — казалось, прошла целая вечность, а на самом деле всего шесть недель — я ехала на велосипеде по деревенской дороге и сравнивала свои таланты с достоинствами брата — не в свою пользу.

Теперь, сидя в лондонском экипаже, я составляла новый список своих способностей. Я знала о том, о чем Шерлок Холмс даже не подозревал. Он не счел одежду моей матери важной деталью, ни турнюр (багаж), ни высокую шляпу (там, скорее всего, была спрятана внушительная сумма). Мне же был близок мир женского белья и аксессуаров. Выяснилось, что маскироваться у меня получается очень даже неплохо. Кроме того, я понимала язык цветов. Шерлок Холмс

смотрел на «прекрасный пол» свысока, как на незначительный и непоследовательный, но его логическое мышление не позволяло детективу ухватить факты, очевидные для меня.

Женщины располагали целым миром тайных шифров, понимали, когда поля шляпы означают протест, носовые платочки — обман, пушистые веера — скрытую непокорность, скрывали тайное значение в сургучных печатях и расположении почтовых марок, визитных карточках; тайный мир «прекрасного пола» был настолько велик, что будь он плащом, я могла бы завернуться в него с головой. Я сумела применить корсет и как оружие, и как средство защиты. У меня была возможность посетить места, в которых не бывал Шерлок Холмс, и добиться того, что ему и не снилось.

И я собиралась ею воспользоваться.

Лондон, ноябрь, 1888

Неизвестная в черном вышла на вечерние улицы Ист-Энда. На талии — отнюдь не осиной, как это было модно — висели четки, и крупные бусины из черного дерева тихонько щелкали в такт шагам. Балахон монашки закрывал ее с ног до головы. Она несла корзинку с едой, одеялами и одеждой для бедных старух, сгрудившихся на ступенях рабочего дома, обессиленных женщин, которых называли дремалами, и других нуждающихся. Бедные люди любили монахиню за доброту и называли сестрой. Имени ее никто не знал — ведь она всегда молчала. Очевидно, приняла обет молчания и уединения. Или боялась выдать изысканной речью и акцентом благородное проис-

хождение. Она всем помогала молча. Пона-
чалу ею интересовались, но через несколько
дней почти перестали замечать.

Тем временем в куда более богатом и даже
богемном районе некто открывал бюро
в том же готическом здании, где проводи-
ла сеансы мадам Лелия Сивилла де Мак,
астральная искательница, до ее — или, пра-
вильнее сказать, его — скандального ареста,
самого ошеломительного события сезона.
После того как он сел в тюрьму, на окне его
бывшего дома появилось объявление:

*Скоро открытие
Приходите на консультацию
Доктор Лесли Т. Рагостин, ученый
искатель*

Ученый — это всегда мужчина, причем
довольно важный, занятый преподаванием
в университете или работой в Британском
музее. Поэтому никто из жителей достойно-
го района не удивлялся, что великий доктор
Лесли Т. Рагостин не встречался им прежде.
Правда, в дом каждый день приходила секре-

тарь — выполняла его поручения, приводила в порядок новое бюро. Это была простоватая девушка, совершенно непримечательная, но при этом работающая, как тысячи других простушек, которые трудятся за пишущими машинками и бухгалтерскими книгами, откладывая хотя бы небольшие суммы, чтобы отправить их домой. Звали ее Лиана Месхол.

Каждый день, как и положено добродетельной и скромной девушке, выживающей в Лондоне в одиночку, Лиана Месхол обедала в чайной для трудящихся девушек неподалеку от ее работы. Там, вдали от хищников мужского пола, она сидела в одиночестве и читала «Пэлл-Мэлл Газетт». В одном из номеров мисс Месхол нашла кое-что, пробудившее ее интерес, и даже вырезала заметку из газеты. Теперь она всегда носила этот клочок бумаги с собой. Вот что там было написано:

«Ирис стебель-корень для Лианы
ЦЕУАОНЕЕОЬОРЗНЕАОВДАСРЗВТНСЛЦТЛКХИАТ-
МНИЬЩЯЯОА».

Порой, отдыхая в своих недорогих комнатах, мисс Месхол (или же немая безымян-

ная сестра?) достает этот листок и подолгу сидит, вглядываясь в темные буквы, хотя давно разгадала их смысл:

**ЦВЕТУ НА СОЛНЦЕ. НЕ ТОЛЬКО ХРИЗАНТЕМА,
НО И ВЬЮЩАЯСЯ РОЗА**

Она убеждена, что это объявление поместила в газете довольная жизнью пожилая дама, которая гуляет на свободе, там, где нет ни шпилек, ни корсетов, ни турнюров: в степях с цыганами.

Почему не она села на велосипед, если собиралась в дальний путь?

Почему не вышла через ворота?

Если мама собралась пешком путешествовать по стране, куда она могла направиться?

Одна гипотеза отвечала сразу на три вопроса: беглянке не требовалось покрывать большие расстояния, а нужно было лишь встретиться с караваном английских кочевников, вполне вероятно заранее с ними договорившись.

В «Тайном языке цветов» говорилось, что вьющаяся роза означает «свободную, кочевую, цыганскую жизнь».

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

А если цыгане и промышляют воровством, что ж — Евдория Верне Холмс не сильно от них отличалась в этом вопросе, если судить по тому, как она обвела вокруг пальца Майкрофта Холмса. Скорее всего, она искренне наслаждалась жизнью в таборе.

Один вопрос оставался без ответа:

Почему мама не забрала меня с собой?

Теперь он казался вовсе не таким уж важным. Видимо, к старости эта любительница свободы поняла, что у нее осталось не так много времени на осуществление мечты, и сделала все возможное, чтобы поддержать дочь, рожденную ею на склоне лет. Как-нибудь, быть может весной, когда погода наладится, одинокая девочка отправится на поиски цыганского табора, с которым путешествует ее мать.

А пока ей хватит и этой газетной вырезки. Она смотрит на нее, и острые черты лица разглаживаются: его озаряет светлая, почти красивая улыбка. Ведь Лиана Месхол знает, что на тайном языке цветов любой вид розы означает «любовь».

Разгадка шифра

«Стебель-корень» — подсказка к тому, как читать шифр.

Для начала разделите строчку на две равные части:

*ЦЕУАОНЕЕОБОРЗНЕАОВЮАСРЗ
ВТНСЛЦНТЛКХИАТМНИЬЩЯЯОА*

Первая строчка — «стебель лианы», вторая — «корень лианы». Начинайте чтение сверху вниз, перескакивая со строчки на строчку:

*ЦВЕТУНАСОЛНЦЕНЕТОЛЬКОХРИ-
ЗАНТЕМАНОИВЬЮЩАЯСЯ РОЗА*

Затем разложите то, что у вас получилось, на отдельные слова:

*ЦВЕТУ НА СОЛНЦЕ НЕ ТОЛЬКО ХРИ-
ЗАНТЕМА НО И ВЬЮЩАЯСЯ РОЗА*

Оглавление

Глава первая	11
Глава вторая	23
Глава третья	35
Глава четвертая	52
Глава пятая	67
Глава шестая	89
Глава седьмая	104
Глава восьмая	120
Глава девятая	135
Глава десятая	154

Глава одиннадцатая	170
Глава двенадцатая.....	183
Глава тринадцатая.....	195
Глава четырнадцатая	208
Глава пятнадцатая.....	227
Разгадка шифра.....	252

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, воспроизведена или каким-либо иным способом, в таком использовании в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
адеби-көркемдік баспа

Для среднего школьного возраста
орта мектеп жасындағы балаларға арналған

Спрингер Нэнси

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

(орыс тілінде)

Руководитель направления Т. Суворова
Ответственный редактор И. Юкио
Художественный редактор И. Успенский
Технический редактор О. Лёвкин
Компьютерная верстка Г. Балашова
Корректор Д. Горобец

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

Соответствует техническому регламенту ТР ТС 007/2011
КО ТР 007/2011 техникалық регламентіне сәйкес келеді

EAC

ООО «Издательство «Альпина»
123008, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2010.
Тел.: 8 (495) 411-68-88.
Home page: www.alpina.ru E-mail: info@alpina.ru
Фабричный «ЭКОМА» АОО Бостон.
123008, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1-й, 1-ші кәсіп, 20-ші қабат, кабинет 2010 а.
Тел.: 8 (495) 411-68-88.
Home page: www.alpina.ru E-mail: info@alpina.ru
Түпкү бағыт: «Альпина»
Интернет-сайты: www.book24.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Печерный-франс: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «PSD-Альпина»
Казахстан Республикасындағы импорттаушы «PSD-Альпина» ЖШС.
Дистрибутор и представитель по праву патентов на территории
в Республике Казахстан ТОО «PSD-Альпина»
Казахстан Республикасындағы дистрибутор және патенттің өкілі-өкілеттісі
«PSD-Альпина» ЖШС.
Алматы қ., Дембровский көш.: 3-к., литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-60/61/62; E-mail: RDC-Alpinakazakhstan.kz
Фабрика, завод, фабрика, завод, фабрика, завод.
Сертификация туралы ақпарат: www.alpina.ru/certification
Сәйкестігіне бақылауға қатынасуға негізіндегі сертификат РД
о техникалық регламентпен сәйкестігіне бақылауға негізіндегі сертификат «Альпина»
«Издательство» компаниясы: Ресей. Сертификатқа қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 22.11.2021. Формат 84x108¹/₃₂.
Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная. Бумага офсетная пухлая.
Усл. печ. л. 13,44. Доп. тираж 3000 экз. Заказ 1226.

Отпечатано в АО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.ovomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

ISBN 978-5-04-113017-6

Присоединяйтесь!

- eksmodetstvo
- eksmo_kids
- ЭКСМОДЕТСТВО
- eksmo_kids

Москва, ООО «Торговый Дом «Эксмо»

Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорька, д. 1, строение 1.
Телефон: +7 (495) 411-86-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовиками
посутствием обращаться в отдел зарубежного продаж ТД «Эксмо»
E-mail: info@eksmodetstvo-sale.ru

International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративными клиентами, в том числе в специальном
оформлении, обращайтесь по тел. +7 (495) 411-86-58, доб. 2261
E-mail: bookings.oy@eksmo.ru

Отдел торговли бумажно-беловыми
и скандированными изданиями для школы и офиса «Книга-Эксмо»:
Компания «Книга-Эксмо» 142702, Московская обл., Павловский р-н, г. Видное-2,
Белосельская ул., д. 1, 6/л 3. Тел./факс: +7 (495) 745-59-87 (многолинейный)
E-mail: bookings@eksmo-sale.ru, сайт: www.kniga-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде
Адрес: 603004, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 26, бизнес-парк «Гран Пассе»
Телефон: +7 (831) 216-15-81 (82, 80, 94). E-mail: reception@eksmodet.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге
Адрес: 190029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Б»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: svet@eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбург
Адрес: 625024, г. Екатеринбург, ул. Новоторная, д. 2а
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самара
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Б»
Телефон: +7 (846) 207-56-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростов-на-Дону
Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7 (863) 303-62-10. E-mail: eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирск
Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7 (383) 298-81-42. E-mail: eksmo-nb@yandex.ru

Областное подразделение в г. Хабаровске
Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1008
Телефон: (4212) 810-120, 810-211. E-mail: eksmo-hk@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Томск
Центр оптово-розничных продаж СибИКС-Сити в г. Томске
Адрес: 630022, г. Томск, ул. Парковая, 16, 2 этаж. ТЦ «Парострой-из»
Кладовики с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3462) 21-53-95

Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Сн вид Сн»
Центр оптово-розничных продаж СибИКС-Сити в г. Минск
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Хрущева, 44, пом. 1-17, ТЦ «Океано»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-82
Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: astomsk@yandex.by

Калмыкия: «РДЦ Алмады»
Адрес: 050038, г. Алмады, ул. Давыдовского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-56-12, 251-56-80 (91, 92, 88). E-mail: RDC-Almady@eksmo.kz

Украина: ООО «Борс Украина»
Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербова, 17а
Телефон: +38 (044) 250-96-44, (067) 538-32-22. E-mail: ukraine@forusline.com

Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в онлайн-
магазине «Книга-Эксмо» и заказать в интернет-магазине: www.kniga-eksmodet.ru
Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-6-444. Эксперт по России бесплатный

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.eksmodet.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру
Тел.: +7 (495) 745-88-14. E-mail: bookings@eksmo-sale.ru

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
"ЭКСМО-АСТ"

eksmo.ru

